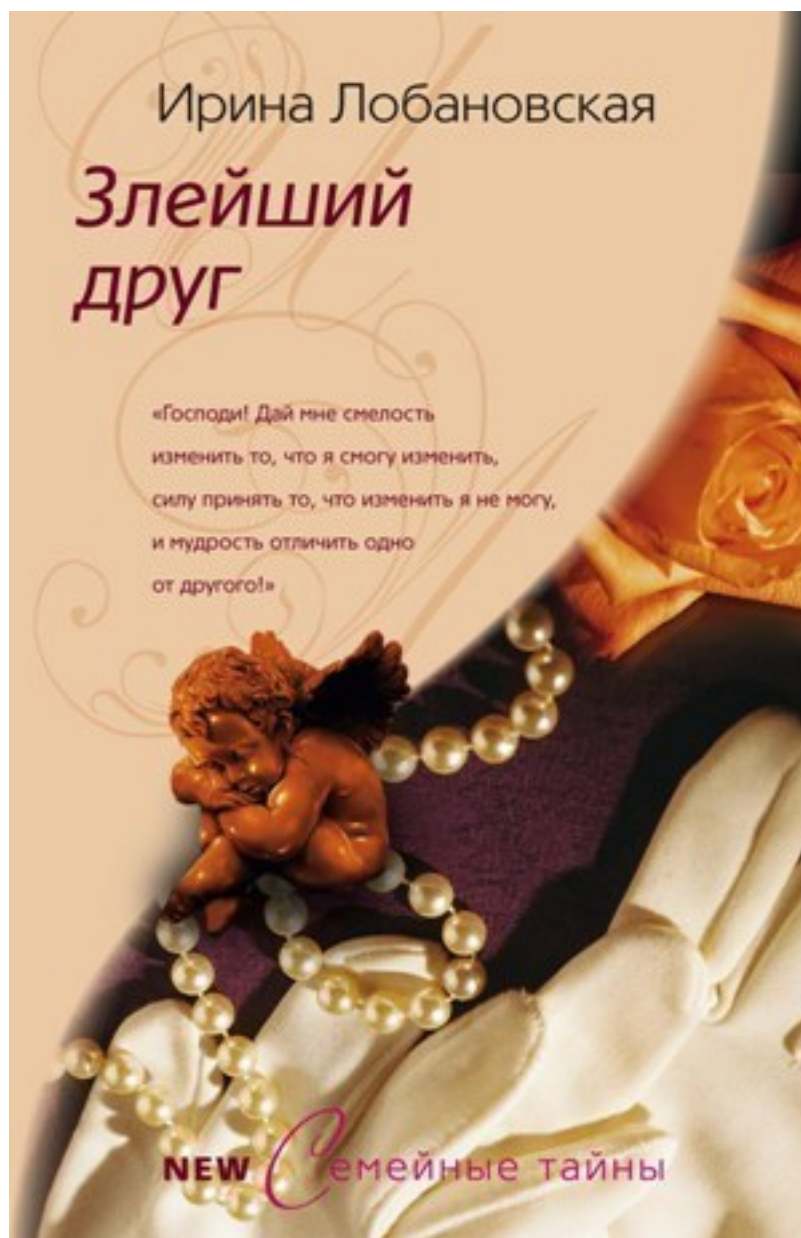

Ирина Лобановская

Злейший друг

«Господи! Дай мне смелость
изменить то, что я смогу изменить,
силу принять то, что изменить я не могу,
и мудрость отличить одно
от другого!»

NEW Семейные тайны

Ирина Лобановская

Злейший друг

«Центрполиграф»

2008

Лобановская И. И.

Злейший друг / И. И. Лобановская — «Центрполиграф», 2008

Ксения Леднева – знаменитая актриса, любимица камер, режиссеров и публики. А в целом обычная русская женщина с двумя детьми, вечными сумками и кошмарным радикулитом. Ксения точно знала, что слава и деньги не меняют людей. Они лишь выхватывают из темных глубин души качества, заложенные в человеке. Когда-то она уже почувствовала – враг рядом. Может быть, именно в прошлом и скрывалась разгадка последних событий – издевательских рецензий, грязных слухов, вздорных сплетен, шепотков за спиной. Только Ксении не хотелось верить в то, что злейший враг может оказаться кем-то, кому она привыкла верить.

© Лобановская И. И., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Лобановская

Злейший друг

*За окном луна качается,
Поучает свысока:
«Жизнь одна, и та кончается.
Не валяйте дурака!»*
Маргарита Алигер

Глава 1

Газетная заметка звучала предельно кратко. Привычная журналистская недосказанность, незнание начинающего или небрежность опытного писателя и характерная бессвязность:

«Из собора карельского города Н. похищен чудотворный список Смоленской иконы Божией Матери XVII века. Кража произошла ночью, когда во всем городе из-за аварии не было электричества. Воры проникли в храм через окно. По преданию, более двухсот лет назад возле Успенской церкви на камне горожанам явился чудотворный список Смоленской иконы Божией Матери. В двадцатых годах прошлого века во время закрытия церкви образ вывезли из собора, и вновь икона заняла свое место только через семьдесят лет».

Через семьдесят лет...

Чудотворный список...

Украли...

И не было света... Света не было... Когда-то его действительно не было. А что было? Да ничего... Понимаешь ты: ничего!.. А что будет? Ох, не гадайвай...

Насквозь простуженный, перемерзший снег истерически визжал от боли под ногами. Не попирай его ногами, не попирай, не топчи зря эту землю... Зачем тебе такая бестолковость? Щеки и лоб твердели на морозе. Кажется, ударишь себя по лбу и услышишь глухой деревянный отзвук.

Ботиночки-то смотри какие легкие надел, жалостно подумал отец Димитрий. Словно не знал, куда едет. Эх, молодые... Или очень спешил? Куда они все спешат?... Кабы знали...

Холодная улица с мертво застывшими лужами. Пороша притихла. Ледок хрустел под каблуками, как конфета, ломкий и мокроватый.

На обледеневшей веревке обмирало от несусветных минусов белье. Заодно сушилось. Вбирало в себя этот неизбывный холод, который потом принесет с собой в дом. Обвисшее небо давило – неужели можно погибнуть под его темным прессом?...

Приезжий подошел к дому. Постоял. Потоптался. Постучал...

– Входите, не заперто... Мне сказали, что вы хотите меня видеть. И самовар пять минут назад закипел. Вам согреться с дороги. У нас зимы жестокие, как испытания.

Приезжий неловко замялся на пороге...

– Раздевайтесь. Я ждал вас, мне говорили, что вы заходили в храм. А к нам надолго?

– Нет, – с трудом выдохнул незнакомец, словно домашнее тепло тяготило его, давило плечи огромной бедой, – всего на пару деньков.

Он торопливо скинул дубленку и присел к столу.

– А у вас там, в Москве, тоже холодно? Морозная нынче выдалась зима.

Приезжий покачал головой. Подышал на руки.

– Нет, это в прошлом году до минус тридцати семи иногда доходило. Даже жаль, что никакой враг в то время под Москвой не стоял – такая зима пропала зря! Холод прямо лютовал и мог заморозить теленка в животе у коровы. Зато в этом году январь с апрелем махнулись местами. Видно, на спор: получится или нет? Простите, шучу я иногда чересчур... Цинизм проклятый...

Батюшка отозвался очень спокойно:

– А я, милый, признаюсь, в молодости тоже был отъявленным скептиком, насмешливо анализировал всякую земную истину. Зато позже пришел к одинаковому пониманию и верующих, и неверующих, осознав, наконец, некоторые истины надмирные и потусторонние. Это еще полбеда, когда человек порой насмехается над окружающим, но сам раним. Вот когда он искренне потешается над всеми без исключения, и над собой в том числе, – это уже беда. Сказано в Писании: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Не больше, но и не меньше. Посему, если человек – эгоист и любит одного себя, в нем еще можно пробудить любовь к людям: кто чувствует в себе Абсолют, тот, скорее всего, способен его почувствовать и в других. Но кто равнодушен даже к себе... Здесь любви неоткуда взяться. – Он помолчал. – Так что же вас привело в наши края? В такие холода...

– Отец Димитрий... – Гость споткнулся на следующей фразе. – Я слышал, у вас украли икону. В газетах писали.

Батюшка любовно разливал чай, с удовольствием расставляя крепкостенные, банно потевшие от пара стаканы. Теплые капли медленно сползали по стеклу, оставляя темными пятнами на светло-рыжем дереве столешницы.

– Неу меня, милый, а у людей. У храма Божьего.

– А вы надеетесь ее вернуть?

Батюшка подвинул москвичу стакан и миску с сухарями.

– Все в Божьей власти.

– Ну, положим... Но вы надеетесь? – настаивал незнакомец. – Это была очень ценная икона?

– Список, – пояснил батюшка. – Вы слышали о Смоленской иконе Божией Матери Одигитрии? Она чудотворная – Одигитрия-Смоленская. Известна на Руси с древнейших времен.

Незнакомец поднял на батюшку глаза. Отцу Димитрию они не понравились – такие бывают у самоубийц, решившихся на крайность.

– Одигитрия?

– По-гречески значит Путеводительница. Одно из самых распространенных изображений Пресвятой Богородицы с Младенцем. Он сидит на Ее левой руке – правой рукой Он благословляет, а левой – держит свиток, иногда – книгу. Основной смысл этого образа, милый, – приход в мир Небесного Царя и Судии и поклонение Ему.

– Значит, путь... – задумчиво сказал приезжий. – Путь... Это хорошо... А в чем ценность образа?

Отец Димитрий снова помолчал. Почему у его гостя такие глаза?

– О том нам говорит предание. Первая Одигитрия была создана евангелистом Лукой еще при жизни Богородицы. Антиохийский правитель Феофил поставил эту икону в сооруженной им церкви. После его смерти икону перенесли в Иерусалим, а потом, в середине пятого века, Евдокия, жена императора Феодосия, привезла ее в Константинополь и поместила во Влахернском храме. По другим источникам – в храме монастыря Одигон, отчего и название. В монастыре Одигон – монастыре Путеводителей – отправлявшиеся в плавание моряки молились перед иконой, испрашивая себе напутствия или путеводительства. Есть и другое объяснение названия иконы. Однажды Богородица, явившись двум слепцам, привела их во Влахернский храм и, поставив перед Своею иконою, даровала им зрение.

– Они действительно были слепые? Может, метафора? Я как-то задумался и понял, что мы слишком часто превращаемся в слепых и глухих от собственной боли. Она вытесняет собой все, все заслоняет. Или от эгоизма. Тоже могучий двигатель душ человеческих.

Батюшка улыбнулся:

– Да, милый, это правда: все мы слепы на этой земле, пока не поймем воли Божьей. Есть и третий вариант происхождения названия иконы. Она сопровождала в походах греческих императоров, и один из них, Константин, выдавая свою дочь Анну за черниговского князя Всеволода, благословил ее в путь-дорогу именно чудотворной иконой Одигитрией. После смерти князя Всеволода его сын Владимир Мономах перенес икону из Чернигова в Смоленск. Она хранилась в Смоленском соборном храме, откуда произошло современное ее название.

– А почему чудотворная? – спросил гость. – Неужели действительно совершала чудеса?

Он странно озираясь по сторонам, словно что-то искал. И постоянно натывался мечущимся взглядом на безмятежное мерцание лампадки.

– Действительно. Особенно замечательно избавление Смоленска от татар. – Батюшка пристально наблюдал за приезжим. Что за человек? Какую муку таит в душе? А там немало спрятано... – В середине тринадцатого века, во время нашествия на русскую землю полчищ Батая, один из его отрядов шел к Смоленску. Жители города обратились с отчаянной молитвой к Богородице, и Она их услышала, даровала спасение. С тех пор Смоленская икона Богоматери – защитница и покровительница России с запада. В четырнадцатом веке город перешел во владение литовских князей, а дочь литовского князя Витовта София была выдана замуж за великого князя Московского Василия Димитриевича. Она привезла в Москву Смоленскую икону, которую поместили в Благовещенском соборе Кремля. Но в середине пятнадцатого века в Москву с воеводой и знатными жителями прибыл епископ Смоленский Мисаил и просил великого князя Василия Темного отпустить святую икону Богоматери назад в Смоленск. Василий Васильевич исполнил эту просьбу. После торжественной службы в Благовещенском соборе икону Смоленской Богоматери провожали с крестным ходом до монастыря Саввы Освященного, что на Девичьем поле, и отпустили в Смоленск. С чудотворного образа сделали список и поставили там, где стояла икона.

– Список? – быстро переспросил гость. – И где же он? Его у вас и украли?

Лампадка мирно мерцала в углу.

– Нет, милый, – улыбнулся батюшка. – У нас был другой список, их ведь немало. В начале шестнадцатого века великий князь Василий Иоаннович, в память возвращения Смоленска в состав русских городов, основал Новодевичий монастырь недалеко от того места, где было последнее молебствие перед Смоленской иконой Богородицы. В этот монастырь перенесли и список иконы из Благовещенского собора Кремля, а главный храм Новодевичьего монастыря освятили в честь Смоленской иконы. Когда на Русь двинулся Наполеон, епископ Смоленский Ириней отправил древний греческий образ Смоленской Одигитрии в Москву, где чудотворную икону поместили в Успенском соборе Кремля. А в день Бородинской битвы двадцать шестого августа, когда праздновалось Сретение иконы Владимирской Богоматери, был совершен крестный ход с иконами Владимирской, Смоленской и Иверской Богоматери вокруг Белого города, Китай-города и кремлевских стен. Перед входом французов в Москву икону Смоленской Богоматери отправили в Ярославль. Там она оставалась до окончания войны, а затем была торжественно перенесена в Смоленск и вновь установлена в кафедральном соборе, где хранилась до Великой Отечественной, до сорок первого года. Но дальнейшая судьба древнего образа неизвестна.

Гость вздрогнул:

– Значит, ее украли в Великую Отечественную? Батюшка покачал головой:

– Это всего лишь предположение, милый. Что мы можем знать?

– А я недавно должен был умереть, – внезапно сказал незнакомец. – По воле режиссера...

Батюшка помолчал. Что за глаза у его гостя...

– Воля только одна. И существует не смерть, а торжество жизни. Есть такая русская пословица: «Готовишься помирать, сей рожь».

Гость дернулся:

– Ну, положим... И режиссер всего лишь один... А как же наши театры, кино, телевидение?

Батюшка посмотрел в окно. Круглая луна лепилась на краю почти черного неба, готовая сорваться в небытие.

– Что это за профессии, милый... Вы думайте, думайте. Книжки читайте. Их нынче издают много. При храмах продают. Вот в советское время был единственный способ выпустить книги о Христе и библейских сюжетах – под грифом «Библиотека атеистической литературы». Парадокс, но к этой уловке прибегали люди, старающиеся все-таки что-то сделать.

– Вот и она тоже все твердит: «Что это за профессия такая – актер? Играть чужие жизни? Когда нужно хотя бы прожить свою...» – невнятно пробормотал москвич.

– Это ваша жена? Приезжий ссутулился.

– Нет... Это любовь... Что такое любовь, отец Димитрий? Только не говорите, что это Господь. Все уже об этом наслышаны...

Батюшка вздохнул.

– Если бы все были об этом наслышаны, мир давно стал бы другим. Пейте чай, остынет.

– Любовь – это грех? – быстро спросил гость. Вновь глянул нехорошими глазами.

– Нет, Бог – это и есть любовь. Вы сам сказали. Но смотря какая. Если блуд, то, конечно, грех. А если христианский брак, то, значит, благословленный Господом союз. Любовь – первое слово Создателя, первая осиявшая его мысль. Любовь может погубить человека, возродить его к жизни и снова выжечь на нем свое клеймо. Сегодня она благосклонна ко мне, завтра – к вам, а послезавтра – уже к другому, потому что она быстротечна. Но может наложить на человека неизгладимую печать и пылать, не затухая, до самой его смерти. И где кончается любовь, там начинается расчетливость. Отвергающий любовь не просто отвергает Бога, но и громко призывает дьявола. Но вы неверно понимаете смысл любви.

Приезжий ухмыльнулся:

– Это какой же?

– Преподобный авва Дорофей, древний подвижник, говорил: «Не ищи любви от ближнего. Ищущий любви, если не увидит ее, смущается. Лучше ты покажи любовь к ближнему. Поступив так, и сам успокоишься, и приведешь ближнего к любви».

Гость смотрел куда-то в сторону.

– А вот Тиль Уленшпигель говаривал, что отдаст за любовь тысячу жизней. В современных компьютерных играх такое возможно запросто. Там у персонажа «запас» жизней, который можно пополнять, как бонусы, или терять при неудачах. И тогда объявляется: «Вы ранены на десять жизней» или «Вы потеряли пятнадцать жизней»... Но если ты «запасся» прилично, то у тебя остается еще много жизней, с которыми можно шагать дальше. Настоящий маразм. А... – Гость опять запнулся. – Вы еще не старый человек... Вы могли бы влюбиться? Если честно.

– Да нет, ну что вы! Я об этом давно не помышляю. И потом, сколько там надуманного – во всех этих влюбленностях. Последствия литературно-визуальных ощущений, жестко привязанных к книгам и кино. В жизни все гораздо серьезнее и проще. Надо молиться, чтобы Господь дал жену или мужа. И друга тоже.

– Ну, положим... – пробурчал гость. – А как я узнаю, что это дал именно Он? Так легко ошибиться.

Батюшка с удовольствием пил чай.

– Легко. Поскольку мы не умеем и давно отвыкли прислушиваться не только к окружающим, но и к самим себе. И не слышим, конечно, что нам говорит Господь. Этому надо учиться.

– Да как?

– Жить в тишине, без суеты, без страстей – вот тогда и можно что-то расслышать. Иначе мирская жизнь заглушит самое главное. Страсть – это то, что вторгается в нашу жизнь, а не то, что мы делаем. Влюбленный не замечает, как становится управляемым чем-то или кем-то, не руководит самим собой. Появляются несвобода и неосознанность. Еще святитель Феофан назвал влюбленность болезнью. Так и осталось. Преподобный Антоний Великий говорил, что Бог благ, и бесстрастен, и неизменен. Он не радуется и не гневается, ибо радость и гнев – страсти. Святитель Иоанн Златоуст объяснял, что когда мы слышим слова «ярость» и «гнев» по отношению к Богу, то здесь нет ничего человеческого. А говорится так для того, чтобы приблизить предмет к нашему пониманию. Нелепо думать, что Богу хорошо или худо из-за дел человеческих. Господь творит только благое и никому не вредит, пребывая всегда одинаковым.

– Мирская жизнь... – повторил гость. – Всякая белибердень... Но куда от нее деваться, если ты там родился и вырос? Ведь некуда! Это не оправдание, но объяснение. Ну ладно, а дружба? У вас ведь есть друзья? Близкие люди?

– Со временем и это понятие для меня отошло. Дружба – это опять из разряда светских и мирских отношений. Не духовные, а человеческие понятия.

Приезжий нехорошо удивился:

– Но друг не даст тебе умереть, всегда придет на помощь...

– Давайте опять вспомним основную заповедь: «Возлюби ближнего своего как самого себя». А кто такой этот ближний? Человек, который к тебе приблизился. Которого тебе дали для общения. Любой человек. Тогда при чем здесь дружба? Нужно учиться сопереживать всем людям без исключения и относиться ко всем так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе. Хотя, конечно, все равно остаются какие-то предпочтения среди близких.

– Но вы ведь не думали так в молодости, правильно? – не сдавался гость.

– В молодости, вы правы, у меня все числились друзьями, – усмехнулся отец Димитрий. – На то она и молодость. Позже круг общения сильно изменился, в него вошли в основном люди церковные. И терминология стала другая. Согласно ей дружба скорее называется любовью во Христе. Мирские связи переосмысливаются и приобретают более высокое и глубокое качество. Дружба эмоциональнее и поверхностнее. То, что я вспоминаю из юности, – это в основном разговоры, пересуды, рассказы. Не успеешь слова вымолвить, уже ловишь себя на мысли, что кого-то разбираешь по косточкам. И еще при этом твердишь себе: «Я не осуждаю этого человека, но...» Так что все мирские понятия – сомнительные. Когда я решил связать жизнь с церковью, сначала работал служкой, каждый день на всех службах, практически жил при церкви и ее жизнью. Никто из прихожан особо со мной ни о чем и не заговаривал, кроме как о событиях в храме. И ни о чем другом со мной невозможно стало говорить по определению. Это особый путь – полностью в церкви и на молитве. Думал я монахом стать, да не вышло... А вы как бы ответили на вопрос, с кем дружит священник?

– С другими священниками, – отозвался гость.

– Пожалуй. Мы общаемся с теми, кто с нами рядом, в той же церкви, – вот наш круг общения. – Батюшка вздохнул и внезапно резко сменил тему: – Нужно молиться, милый. Всем нам надо много молиться. Конец света близок... Все, построенное без Бога, однажды рухнет.

Приезжий осклабился злобно и некрасиво. Свет... Которого не было... Не было света... А что было-то?... Вразуми, Господи...

– Конец света? И вы туда же... Очередная белибердень. А если события развернутся в лучшую сторону? И до конца света, может, еще миллиард лет? Люди все-таки образумятся, повернутся от анархии к порядку, найдут деньги на науку. Вплотную займутся насущной проблемой экологии и как-то ее решат. Наладятся медицина и техника, изменится моральный уровень общества. И зашагает человечество вперед, и будет летать в космос, и на Марс полетит, и колонию на Луне создаст...

Батюшка провел рукой по седой бороде.

– Это, по сути, никак не противоречит вере. Вполне возможный вариант, и он – не против Бога. Но такое, к сожалению, маловероятно. Просто уже столько человечество натворило и дров наломало, что вряд ли Господь будет до такой степени к нам милосерден. Хотя будущее мы не в силах предсказать. Но в любом случае надо верить и молиться. А там – что Бог даст. Сказано ведь – две тысячи лет... Сколько лет нам еще осталось, милый? Вот посмотрите – пол вымоешь, а он тотчас грязный. Также и наши грехи. Откуда только берутся...

– А вы пессимист, отец Димитрий, – ухмыльнулся москвич. – Хотя верите в силу молитвы.

– Не просто в силу молитвы, – поправил батюшка. – Молиться, не творя в то же время добрых дел, – значит надеяться, что вырастет не посеянная тобой рожь. Да, Бог пожалеет тебя, но не заставит расти то, что ты не сеял. И суть молитвы не в том, что каждый чувствует, ее читая, а в том, как он живет между двумя своими молитвами, скажем утренней и вечерней. По плодам судится молитва, а не по переживаниям. Это сказал Феофан Затворник.

– Однажды в очередной раз какие-то больно умные «прорицатели» назначили конец света на одиннадцатое июля, – пробормотал гость. – Конечно, я ни на йоту не поверил, не принял это всерьез, как любой нормальный человек, но ситуация сложилась интересная. День рождения у меня одиннадцатого. Праздную, а друзья хохочут: «С днем рождения тебя! И заодно с концом света...» И еще, отец Димитрий... Реальный случай. В вагон метро вошел старик в экстравагантной одежде, со страшновато выкаченными глазами и длинной косматой седой бородой. Закружился и громовым голосом начал вещать на весь вагон, что через две недели, такого-то числа, наступит конец света. Молитесь, грешные люди! Но, говорил он, я понимаю, что за две недели далеко не все из вас сумеют собраться с духом на серьезную молитву. А вы не страшитесь: мы, наша организация, готовы вам помочь! Помолитесь за вас! Поэтому дайте денег, кто сколько может, как пожертвование, и я запишу имя каждого, кто заплатил, и мы помолимся о нем и его родственниках. Некоторые люди, которых хорошо пробрала сия впечатляющая актерская игра, вид и голос старика, дали ему денег. Старикан все записал, сказал на прощание что-то пафосное и ушел из вагона. Очевидно, в другой. Прошло две недели. Конец света не произошло. О белобородом старике и его организации – ни слуху ни духу. И остается только гадать, сколько он и его коллеги за эти две недели успели собрать денежек...

Батюшка засмеялся. Незнакомец тоже. Его чай грустно остывал, никому не нужный.

– Это ведь высший шик! Не на чем-нибудь бизнес делать, а – ни много ни мало – на конце света! В первые годы после Рождества Христова, когда христиане прятались от римлян-язычников и жили в катакомбах, они ждали конца света. Вполне верили, что он скоро наступит. И Феофан Грек говорит Андрею Рублеву: «Скоро конец света, все как свечи гореть будем!» В «Записках охотника» Тургенева тоже кто-то – забыл имя – заявляет вполне деловито: «Последние времена настали». И в «Бежином луге», помнится, «Тришку» ждали... И теперь о том же самом. В который раз за сотни и даже тысячи лет. Надоело!

Взгляд гостя снова зацепился за лампадку, смирно помаргивающую в углу.

– Я так скажу, милый... Цель христианства всегда одна – стяжание Духа. Поэтому оно всегда влияло на культуру. И его созидательный дух необходим – он давал культуре новый смысл, другой импульс для развития. А вот апокалиптика в христианстве... Многие думают, что она – следствие желания разрушить нечестие. Вовсе нет. Она – порождение безысходности, чувства невозможности созидания на земле, где властвует тьма. И если это созидание здесь станет и впрямь нереальным, тогда и наступит конец света. Но о его наступлении ведает только Бог. Что касается апокалиптических настроений... Они охватывают людей, когда теряется умение жить по-христиански.

– По-христиански – это как?

– Есть очень простая молитва, милый: «Господи, дай мне смелость изменить то, что я могу изменить, силу принять то, что я изменить не могу, и мудрость отличить одно от другого!» Единственно верный путь – путь постоянного изменения и улучшения. Апостол Павел говорил, что даже если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. А покаяние, этот важнейший после крещения духовный акт, назван в Писании греческим словом μετανοία, что точнее всего переводится как «изменение ума». Значит, христианский путь – путь формирования правильного сознания. Святитель Игнатий Брянчанинов писал, что люди обычно считают мысль чем-то маловажным, а потому неразборчивы при принятии решений. Но безошибочные мысли рожают все доброе, ложные, наоборот, – зло. А отец лжи – дьявол, как говорит Евангелие. Не надо думать, что рогатый оппонент Господа – дурак. Иначе не попало бы столько людей в его сети. Он весьма умен и хитер и прекрасно знает, на какие кнопки у кого нажимать, чтобы обольстить. Тем и страшен. Дьявол – первый экстремист, нигилист и анархист, обожающий прятаться за самые лучшие человеческие чувства. Его оружие – ирония и сарказм, хотя над собой он насмешек не выносит. Он обещает золотые горы, а платит разбитыми черепками. Люди, прельщенные им, эмигрируют в поисках счастья, а в результате остаются в пустоте – без работы, без семьи, с разнузданными, избалованными детьми и умственно отсталыми внуками... Это некая игра в рулетку, но игрок всегда проигрывает. И зачем человеку подчиняться этой твари? Но часто не хватает ума и сил жить без ложных наущений.

– Дьявол... – пробормотал гость. – Настоящая белиберда... Он – никто и ничто, но это ничто нас ничтожит. Слыхали... Он обожает играть словом «свобода». И наше сердце это часто принимает за чистую монету. Но есть такой закон логики: из лжи следует что угодно. То есть даже из неправильной посылки можно сделать верный вывод.

Батюшка кивнул.

– К сожалению, такое бывает редко. Если вы пробовали исследовать свое сердце, то убедились, какие это джунгли. Причудливые, экзотические, куда не проникает свет и где водятся тысячи диких животных. Слегка разогрей его пламенем страсти – и джунгли разрастутся и совсем перестанут пропускать свет, а в крошечной тьме расплодятся кровожадные хищники. Поэтому надо отдать наше сердце в послушание уму. Он нам – главнейший помощник. Если человек не пользуется умом сам, то им воспользуется дьявол. Этот своего никогда не упустит. Вы не согласны со мной?

Свет... которого не было... И сердце... которое есть... живое и отчаянное... ну, джунгли – это еще очень мягко сказано...

– Наверное, согласен... – пробормотал приезжий. – Особенно насчет дьявола. Иногда думаю, что, узнав его по-настоящему, поймешь даже средневековую инквизицию, отправляющую некоторых людей на костер. Но к двадцатому веку мы хорошо научились напускать на все проблемы философский туман. У масонов вообще есть такой лозунг: «Наша правда – ложь. И наша ложь – правда». А философ Дени де Ружмон дает такой рецепт: самый лучший способ бороться с дьяволом – это поддаться ему. В середине прошлого века по этому пути пошли многие западные государства во главе с Америкой. Раскрутили все гайки законов, упразднили смертную казнь, объявили гомосекс и все виды содомии нормальным явлением, набрали лесбиянок в полицию и армию, а педерастов пристроили учителями в школы, легализовали порнографию и наркотики. В результате – рост преступности и терроризма. Узаконенная анархия. Содом и Гоморра. И все это под истошные вопли о правах человека. И тот же Дени де Ружмон с усмешечкой заявляет: «Когда вы думаете, что вы, наконец, поймали дьявола, оказывается, что он сидит в вашем собственном кресле».

– Как вы думаете, что такое Церковь? – спросил отец Димитрий.

Гость пожал плечами. Какие у него уставшие, безнадежные глаза...

– Церковь – не собрание праведников, а собрание кающихся грешников. «Да и нет того, чтобы дело спасения было крайне трудным: ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко», – говорит

Спаситель в Евангелии от Матфея. А Честертон писал, что Церковь – не клуб. Если из клуба все уйдут, его просто не будет. Но Церковь есть, даже когда мы не все в ней понимаем. Она останется, даже если в ней не будет ни кардиналов, ни папы, ибо они принадлежат ей, а не она – им. Если все христиане умрут, она останется у Бога.

– Спасение... Какое тут может быть спасение... – пробормотал приезжий. – От кого? Разве что от себя самого...

– Да, – согласился с ним батюшка. – И увидеть свои грехи, все, во множестве. Это начало просвещения души и признак ее здоровья. «Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется, вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет», – сказал Господь апостолам. Любая душа на пути к совершенству испытывает подобное поражение. Тьма покрывает ее, и она не знает, куда деваться, но приходит Господь и печаль ее претворяет в радость.

Гость задумался. Провел рукой по столу. Что-то вспомнил...

– Отец Димитрий, а судьба есть?

Батюшка ответил не сразу:

– Думать надо, милый, думать... Вот вы пошли в храм – судьба, или приятель за рукав потянул: не ходи, давай лучше в кино...

Москвича непонятно передернуло при последней фразе.

– И это тоже судьба. У человека всегда есть выбор – надеть шапку в мороз или нет. Но не надо потом, когда схватишь бронхит, говорить, что Господь наказал.

– Выбор... – пробормотал незнакомец. – А как быть, если ты сидишь на скамейке и куришь, а к тебе подходит и просит огоньку паренек или девчонка-школьница? С одной стороны – не спросит ли апостол Петр за то, что к куреву малолетних приучаешь? Но – с другой стороны – не дашь: обозлится юнец, в душе посеет обиду на «взрослый мир», а хорошо ли это? Ведь иногда к таким мерзким вещам приводят затаенные обиды! И опять же – «дай просящему» – сказано. Вот и не знаешь, как правильнее поступить... И никогда не знаешь.

– Думать надо, милый, думать... Есть такая история про двух монахов. Они зашли по пути в один дом, и хозяин подал им курицу. Старший монах, многолетний подвижник, стал есть курицу и нахваливать. Младший посмотрел на него ошарашенно и тоже начал есть. Потом, когда они покинули гостеприимного хозяина, он спросил старшего: «Авва, ты же великий постник! Как же ты вдруг нарушил пост?!» А тот спокойно ему ответил: «Не в мясе главное, а в душе. Если бы я отказался от угощения, которое нам подал этот добрый человек, я бы обидел его. И согрешил бы куда больше, чем чутко нарушил свой пост». Наши отношения с Богом, милый, – это только наши отношения с Богом. К сожалению, когда людям предоставляется выбор, они чаще всего выбирают самое худшее для себя. И нередко начинают интересоваться религией, не существующей без мистики, именно как некой тайной, загадкой, которую пробуют открыть. Ждут от религии чуда, власти и авторитета, то есть магии, и легких решений. Это большинство. Меньшинство ищет истину. То есть – Христа. Веру от разума отделяет черта. И вера – по ту сторону этой черты. Многие не понимают, что нужно бороться со своими желаниями. Называется это духовная брань. Брань не с людьми, а с демонами, с духами злобы, смущающими нас постоянно. Каждую секунду мы стоим перед выбором: помолиться или нет, пойти в храм на службу или поспать... Человек выбирает, как жить: по своей воле либо по Божьим законам. Плотские желания, иначе – грубые грехи, отменяются относительно быстро. Остаются более серьезные, тонкие: осуждение, зависть, гордыня... Мысли, чувства... Они могут быть совершенно незаметны для людей, но пронизывают человека насквозь, и бороться с ними трудно.

– А как бороться? – спросил приезжий.

– Да как... Исповедоваться. Но и на исповеди они сразу не уходят. Некоторые прихожане несколько лет признаются в одном и том же грехе. Никак не могут от него освободиться. И ничего страшного, пусть себе называют свой грех каждый раз. От частого исповедания он рас-

качивается. Так что ходи и повторяй одно и то же, талдычь, как говорят ныне, потом глядишь – грех пропал... Тогда берешься за другой. И постепенно очищаешь свою душу. Это подвиг, аскеза. Но со временем, если понимать, что ты делаешь, она превращается в радость. Духовную. Мирская радость – моментально проходящая, неглубокая. А радость общения с Богом – на всю жизнь. И человек, коснувшийся благодати, знает, что это такое. Бог подсказывает нам путь... И от нас, милый, зависит, выбрать его или нет. В христианстве Бог словно говорит человеку: не разыгрывай трагедию, не устраивай рай и ад на земле. Рай и ад Я оставляю за Собой. Так вы зачем в наших краях? На пару дней... Тоже ведь сделали какой-то выбор.

Гость вытащил из кармана небольшую фотографию:

– Это она?

Отец Димитрий взглянул и удивился. На него смотрели прекрасные глаза Богородицы... И младенец со свитком в левой руке.

– Откуда это у вас, милый?

– Это она? – настаивал гость. – Та самая, Смоленская? Я не ошибся?

Батюшка кивнул.

Глава 2

– Улица заметелилась! – сообщил утром, забравшись на батарею и заглянув в окно, пятилетний Денис, названный одним из самых распространенных за последние четыре года городских имен.

Итак, с улицей Ксении все сразу стало ясно. Душа ее тоже в этот день «заметелилась» и «засугробилась». Причину она отыскивала долго. Напоминало зубную боль: кажется, что болит четвертый снизу, а оказывается, седьмой сверху.

В общем, причин насчитывалось много, и одной из них, лежащей на поверхности «метельной души», был как раз зуб, который сегодня требовалось запломбировать Денису.

Он на известие отреагировал с мужским бурным темпераментом – ревел не переставая в течение двадцати минут. Ксения вышла из себя, наподдала ему пару раз по попе, от души, по полной, хлебнула валокордина и совершила грубую педагогическую ошибку, со всей решительностью объявив ребенку, что отдаст его чужому дядьке. Денис про педагогические ошибки еще никогда не читал, поэтому реветь моментально перестал, на всякий случай потребовал у Ксении его успокоить, а потом отправился к Петру и попросил:

– Спрячь меня так, чтобы Ксения не нашла!

Затем он выдвинул ряд спокойно обдуманных угроз, среди которых на первом месте стояло твердое обещание сломать машину в кабинете зубного врача. Ксения спасовала и малодушно перенесла врача на завтра.

Мгновенно успокоившийся, современный и чересчур образованный ребенок в упоении и восторге прочитал наизусть слегка ошеломленной Ксении половину сказки об оловянном солдате и, дойдя до крысы и ее пустого требования паспорта у служивого, стал собираться гулять.

– Ну какие там могут быть документы! – вполне логично осуждающе сказал он, вспоминая неразумное животное.

– Умен до безнадежности, – проворчала Ксения.

Теперь ей все стало ясно: до обеда Денис благополучно будет носиться по двору под присмотром старушки соседки, которой, на счастье молодым мамашкам, всегда скучно просто сидеть на лавочке. И можно спокойно отправляться с четырехмесячной Дашкой к педиатру.

Коляска легко катилась по укатанной снеговой дорожке. До поликлиники Ксения молчала – с Петром давно никаких отношений. Он важно шагал рядом со свертком запасных памперсов. В глубине души Ксении приходилось признать, что Петр, отличаясь от многих современных мужчин, не стыдится хозяйственных сумок, коляски и стирки, охотно сидит с Дашкой, если нужно. За что Ксения его так не любит?

В поликлинике на высоком белом столе с матрасиком Дашка лежала тихо, только соска шевелилась во рту: туда-сюда, туда-сюда. Спокойный ребенок – счастье для родителей. Лежала и важно смотрела на Ксению синими Петиными глазами. Ксения почти ненавидела их за то, что синие, за то, что Петины.

В кабинете врач тотчас забросала Ксению вопросами:

– Чем кормили? Не болела? Как прибавляет в весе? Как спит?

С трудом отбившись от этого града, Ксения собралась сама спрашивать, но врач вошла в раж и никак не могла остановиться:

– А как рожала, мамочка? Легко?

– Я-то легко рожала, – мрачно сказала Ксения, засовывая Дашке в рот выпавшую соску. – Только двадцать лет назад. Это первый раз.

Про второй раз ей говорить не хотелось. И, встретив изумленный взгляд докторши, немозастывшей над Дашкиной карточкой, пояснила:

– Я – бабушка.

– Ну и бабки теперь пошли! – ахнула докторша, бросая ручку на стол. – А это тогда кто? Дедушка?

И она показала на Петра, отпустившего несколько месяцев назад широкую, лопатой, светлую бороду. А еще Петр носил замысловатую прическу: каре средней длины и с одной стороны висит тонкая прядка на несколько сантиметров длиннее остальных волос. Его спрашивали: как стригся, специально, что ли, каждый раз эту косицу закалывал и не давал под ножницы? Он с дурацкой улыбкой кивал. Идиот...

– Нет, – пробурчала недобро Ксения и отвернулась к окну. – Это зять.

– Ой, подождите... – Педиатр посмотрела на бабушку повнимательнее и вдруг посыпала словами. Они полетели, как новогодние конфетти, невесомые и прилипчивые. – А я ведь вас знаю! Ну да, вы же артистка! Вас все знают! Вы Леднева! Ну конечно! Я вас много раз в кино видела! Вот названия фильмов только не помню... Вы еще играли в сказке этой рождественской... Вместе с Олегом Авдеевым. Правда? Как же я вас сразу не узнала? Колготишься тут целый день с детишками, света белого не видишь... Свое имя позабудешь...

Получалось, что она просто обязана была узнать Ксению. По долгу службы. Или по гражданскому долгу.

Ксения затосковала. На улице, если вдруг приходилось выходить, а не ехать на машине, она старалась как-нибудь спрятать лицо. Да еще этот Авдеев... Авдеев Олег... Олеженька... Олечек... Срывающийся шепот в трубке: «Целоваю...»

Именно так: «целоваю»...

Авдеев Олег... Олеженька...

– Да-да, – торопливо пробормотала Ксения. – Это я... Та самая, которая... Леднева. Без вариантов. Что такого особенного? У меня здесь дочка живет. В этом районе. По соседству со мной. Приходится помогать. Тоже всю жизнь колготишься с детишками... По понедельникам у нас нет спектаклей, так что сегодня я абсолютно свободна. А в целом я обычная русская баба: с двумя сумками, двумя детьми и кошмарным радикулитом.

Больше врач вопросов не задавала, задумалась как-то, безразлично повертела в руках Дашку, взвесила и молча села заполнять карту, изредка с интересом поглядывая на Ксению.

А что тут разглядывать? Артистка... Известная и заслуженная. На улицах узнают. Разве это достижение всей ее жизни? Будь она неладна, ее жизнь... И эта популярность... Паршивое слово... Слава, разменная на медяки. Бесцветная перспектива. Хотя очень даже яркая...

Но деньги и слава не меняют людей. Это ошибочное, хотя и общепринятое мнение. Деньги и слава лишь ярко выхватывают из беспросветной тьмы души, как слепящим глазом насмешливого прожектора, качества, уже заложенные в человеке.

Молодость... Глупость... Надо бы как-то сжаться и пережить то время, когда все кажется всерьез, хотя на самом деле что в этой жизни всерьез?... Да ничего... Обыденная дребедень.

Мысли сминались и, скомканные, не желали подчиняться. Ее жизнь стала монологом. Интересно, а существуют люди, умеющие думать без слов? Наверное...

Когда родилась Маруська, они с Валентином стали называть друг друга папа и мама. Все думали, чтобы Манька привыкала и знала, кто есть кто. Но дело было совсем не в этом. Просто их настолько поразила новая мысль – они теперь не просто тривиальные Ксения и Валентин, а мама и папа, – что они так и обращались друг к другу. Словно ощущая себя в неизведанном доселе, необычном статусе, еще до конца к нему не привыкнув, полностью не осознав. Сами себя к нему приучали.

Но эта Ксенина профессия...

О ней хорошо написал Карел Чапек: «Если кто-нибудь из вас хочет стать актером, – от чего, торжественно возвысив голос и воздев руки, именем вашей матушки и вашего батюшки слезно вас предостерегаю; но если вы останетесь непреклонным к моим мольбам, то испытайте сперва выносливость своего организма, свое терпение, легкие, гортань и голосовые связки, испробуйте, каково потеть под париком и гримом, подумайте о том, сможете ли вы ходить почти голым в мороз и окутанным ватой в жару, хватит ли у вас сил в течение восьми часов стоять, бегать, ходить, кричать, шептать, сможете ли вы обедать и ужинать на куске бумаги, налеплять на нос воняющий клопами гумоз, выносить жар прожектора с одной стороны и ледяной сквозняк из люка – с другой, видеть дневной свет не чаще, чем рудокоп, пачкаться обо все, за что ни возьмешься, вечно проигрывать в карты, не сметь чихнуть в продолжение получаса, носить трико, пропитанное потом двадцати ваших предшественников, шесть раз в течение вечера сбрасывать костюм с распаренного тела, играть, несмотря на флюс, ангину, а может быть, и чуму, не говоря о множестве других терзаний, неизбежных для актера, который играет; ибо актер, который не играет, терпит несравненно худшие муки».

Падавшая спиной – мучительными дублями – на бетонный пол молодая Люба Полищук, изнывающие под солнцем пустыни Мишулин и Кузнецов, сама Ксения, вся в синяках и ушибах после съемок, когда играла в паре с известным французским актером... Но француз, приехав к месту съемок и осознав, что ему предстоит, тотчас потребовал дублера, ботинки на толстой подошве и спецодежду для защиты при падениях. Иначе он играть отказывался. Французу моментально выдали все требуемое. Ксения же снималась на высоких каблуках, без всякого дублера, сама добросовестно валилась на асфальт с десятков дублей... И спала на ипликаторе, пытаясь избавиться от неотвязных болей в пояснице.

А потом – известный перл великого режиссера: «При съемках фильма не пострадало ни одно животное, включая людей».

И еще дети...

Ксения родила дочку, Марусю, в девятнадцать лет, и та, в свою очередь, отстать от матери не захотела. И появилось вот это крохотное важное существо, которое называется теперь странно и непривычно для Ксении – внучка. А Ксении – тридцать девять лет. Всего только тридцать девять. У нее розовые без всяких румян щеки, пушистая челка и легкая походка девушки, не обремененной заботами. И на улице на Ксению постоянно засматриваются встречаемые мужчины. А потом узнают и столбенеют... Раньше это казалось очень приятным. Сердце окутывалось радостью, ликовало и начинало нашептывать, какая она, Ксения, та самая, которая, известная – столько добилась... Мерзкие слова.

ВГИК она вспоминала с ужасом. Кто больше выпьет или забористее ругнется, тот и круче. Хорошо, тогда хоть наркотики еще не расплодились, а то бы Ксения со своим максимализмом и горячностью и здесь тотчас выбилась в лидеры.

Рассказывали, что один профессор откровенно брал взятки водкой. Даже установил тариф: три бутылки – отлично, две – четверка, одна – тройка... Ксении не приходилось ему сдавать, поэтому она так и не узнала, правда ли это.

Все вокруг матюгались.

Валентин со смехом рассказывал, как однажды, прикалываясь, написал в анкете: «Прилично владею английским и немецким. Русским – неприлично».

Теперь Ксения порой начинала панически страшиться людей и мира. И тогда в смешной попытке спастись – от чего и от кого? – вырубала все телефоны и жила тихо, никуда не выбираваясь, пока немного не приходила в себя. Воздвигала стенку между миром и собой, чтобы убежать от окружающего. И думала, что весь земной шар не может оказаться в большей беде, чем одна несчастная душа. А она, Ксения, – слишком отдельный человек и отдельная артистка, и все ее трудности связаны с этой отдельностью. И одиночество порой – лучшее общество. Хотя бояться людей – значит незаслуженно баловать их. К чему такие реверансы перед ними?

Пустыня... уединение... Наверное, именно пустыня намного страшнее и тягостнее, чем уединение в лесах, потому что деревья – настоящие существа для человека. И всякие там лисички-зайчики. Пустыня... уединение... Есть ли что-нибудь более необходимое человеку?...

Провалы одиночества... как они стали необходимы... как ценны... Почему так долго люди не в силах осознать подлинные ценности?... Может, мнимых больше?...

Новая жизнь – отсечение от прежней, когда садовник обрезает ветвь, которую хочет привить. Садовник... Кто это?...

А мы, люди... Как часто мы жертвуем для нашей неводержанности больше, чем даем на наши нужды.

И как было бы хорошо, если бы Ксения и впрямь сумела поднять вверх эту глухую загородку, навсегда отделяющую ее от мира с его безумием, тревогами, суетой... с его страстями... Насколько легче стало бы душе... насколько спокойнее... как хорошо будет жить, ни о чем не волнуясь, не беспокоясь... Ни тщеславия, ни гордости, ни зависти... полное бесстрашие... бесстрашие... вот в чем суть... Но можно ли добиться этого?... Ей, Ксении, всю жизнь играющей страсть?...

И людей слишком много... и каждый норовит как-нибудь использовать другого в своих интересах. Каждый подвержен множеству искушений. И ведущие здесь – самомнение и самопревозношение. Они всегда иезуитски сводят на нет и доброту, и честность, и бескорыстие. Искушения... Внешние – скорби и унижения, внутренние – страстные помышления, рвущиеся прочь, как собаки с поводков. И сколько нужно внимать себе и строго разбирать все происходящее с нами и в нас, чтобы увидеть, понять, почему все так сложилось и к чему это обязывает. А уж если получишь благодатное утешение с Небес или от Господа какой-нибудь дар – то искушения просто неизбежны.

Страсти человеческие... Если бы Ксения себя не сдерживала, не вела бы постоянную моральную проработку души, то давно бы превратилась в обжору, алкашку и матерщинницу.

Откуда он взялся, этот мат в языке? Как нельзя написать грязью лик Богородицы, так нельзя и написать ничего высокодуховного и по-настоящему ценного в литературе, если писать на матах и подобном псевдоматериале. Русская матерная брань... Вырожденцы сразу начинают врать, что она появилась на Руси в результате татарского нашествия. Пусть так, но почему тогда матерщина существует и в английском, и в немецком? Ведь там никаких татар не наблюдалось.

Жизнь доказывает, что слово человеческое – живо и значит очень много. Хотя материалисты утверждают, что порча генофонда происходит исключительно от химических воздействий на организм. Но не только – с точки зрения материализма невозможно объяснить многие факты.

Вот два из них. Если девушка матерщинница, у нее часто возникают проблемы с деторождением: ни зачать, ни родить. А мужчины, склонные к пошлым шуткам, к юмору, связанному с неприличными темами, начинают феминизировать: у них уменьшается гортань, голос становится тонким, бабьим, утолщаются бедра и ягодицы, возникают проблемы с эрекцией. И никаким химическим воздействием это не объяснить.

Есть такая притча.

В монастырь приехал погостить старец, имеющий от Бога дар прозорливости. Когда гость собрался уезжать, монахи его спросили:

– Старче, а кто в нашем монастыре уже сейчас достоин Царствия Небесного?

Он ответил:

– Пока однозначно могу сказать только про одного человека – вашего повара.

Монахи изумились:

– Может, мы что-то не так поняли, старче?! Кого-кого... еще раз?! Повара?!

Монастырский повар не был монахом. И жил даже не в монастыре, а просто при нем. Никаких подвигов аскезы не совершал. И более того – всем казался очень хмурым, угрюмым и грубоватым человеком. А старец объяснил:

– Вы все поняли правильно. Если бы этот человек не работал над собой, то стал бы маньяком-убийцей. Но он сумел подавить в себе эту страшную силу. И пусть он всего-навсего повар, пусть он не подарок, но уже за одно сделанное им, за победу над собой он достоин Неба. У вас, у остальных, другие ситуации, потому и сказать про вас так пока нельзя.

Эту притчу рассказал когда-то Ксении отец Андрей. И она очень хорошо ее запомнила, пытаясь найти себе оправдание. Хотя не слишком-то и находила.

Марлон Брандо говорил, что актерство – это не профессия, а невроз. Когда, наконец, кончается детство, кончается и актерство. Но у многих детство длится всю жизнь.

Некоторые утверждали, что у литераторов – все то же самое. Якобы Михаил Зощенко был неврастеником и жаловался одному из своих друзей: «Все-таки это вроде болезни. И от хорошей жизни писателем не становятся. Надо что-то перетерпеть, перенести, пережить – тяжелое, страшное – или вообще быть больным, чтобы взяться за перо».

Где-то Ксения читала, что Фонвизин, уже полупараличный, кричал из инвалидной коляски студентам университета:

– Вот до чего доводит литература! Никогда не будьте писателями! Никогда не занимайтесь литературой!

А Некрасов написал: «Братья-писатели, в нашей судьбине что-то лежит роковое». А только ли в судьбе писателей? Или вообще всех творческих людей? Творчество – грех... Не равняй себя с Творцом... С другой стороны, ты ведь подобие Божие. И свои способности прятать – тоже грех. Тогда как же? Как поступать?! Вразуми, Господи...

Как трудно жить на земле... Но никто тебе и не обещал, что будет легко...

И как правильно понять, оценить, определить себя в мире и мир в себе?...

– Полностью открыться миру и стремиться к единству и целостности с ним, – как-то важно и пафосно ответил ей Валентин. – Не гоняйся за счастьем, оно всегда в тебе. Это, между прочим, еще мудрый Пифагор сказал. Все границы и пределы мы создаем себе сами, потому что просто верим в их существование. И самая распространенная наша иллюзия, от которой страдают почти все, – это уверенность, что, найдя благополучие, мы сумеем избавиться от всех своих страхов и тревог. Но парадокс как раз в том, что все – наоборот. Необходимо сначала избавиться от беспокойства – лишь это поможет обрести удачу. Надо попытаться быть тем, кем ты хочешь, чтобы затем делать то, что ты желаешь, и только тогда ты получишь то, о чем мечтаешь.

Занудно, но правильно. Как часто истина вязнет в словах тех, кто пробует ее определить и высказать...

Бергман всю жизнь пытался выяснить отношения со своими женщинами своими фильмами. Женщин было много. Фильмов тоже. Но выяснил ли?... Отшельник, удалившийся от жизни в самом ее конце... Уйти... скрыться... бежать от жизни... от людей... от этого мира... ради другого мира... который у всех нас впереди...

И жить одной, как в бункере...

Два мира. Вечная проблема... Как их соединить, совместить или как развести в разные стороны?...

Недавно вдруг позвонил Валентин и пригласил его навестить: он дома один и ему скучно. Ксения помолчала. Подумала. Обыденная дребедень...

– Ты приглашаешь меня в гости? Нет, увы... Наши гости давно закончились. Это без вариантов.

Она кинула на сияющую врачиху злобный взгляд. Вот привязалась! Идиотка...

Когда-то девятнадцатилетняя Ксения, сама такая же полная дебилка, вышла из роддома играть – приехал режиссер, известный Шар, и уговорил. Она не подумала ни о себе, ни о Маруське. Лишь бы играть, играть и играть... Ей, начинающей, еще не окончившей ВЕИК, предложили первую большую роль... И отказаться?! Да ни за что!

Да еще Мосфильм – слово, при котором сначала сжимается, а потом начинает колотиться, как перегревшийся в кастрюле, исходящий паром бульон, сердце любой мало-мальски тщеславной и смазливой девицы...

Мать уговаривала Ксению одуматься – грудной ребенок, родившийся шесть дней назад!

Варвара заявила:

– Не согласишься – дуркой будешь! всю жизнь себе потом этого не простишь!

Отец хмыкнул:

– Слава требует самоотдачи. Без этого никуда. Ты хочешь прославиться?

Ксения хотела.

– Тогда запомни: что бы ты ни делала, – везде, во всем требуется полная ставка. Цена, которую приходится платить за каждую мысль, за любое творчество, одна и та же: терпение, работа, упорная, страстная, мучительная битва за признание... Но оно, – отец усмехнулся, – оно... когда его, наконец, обретают... приносит чересчур глубокие страдания. А вообще, если хочешь добиться того, чего никогда еще не добивалась, начни делать то, чего никогда не делала.

Ксения промолчала.

Валентин... Он ничего тогда не сказал. Лишь обронил вскользь:

– Звезда моя, самая тяжкая наука на земле – умение падать. С высоты больнее.

Он как-то взялся ради денег выступать на елках в роли Деда Мороза. Репетировал в полном упоении – настоящий актер, он считал, что должен уметь сыграть любую роль. И конечно, взял с собой на представление маленькую Маруську. А та, едва отец вышел на сцену, восторженно завопила на весь зал:

– Это никакой не Дед Мороз, это мой папа!

Получился конфуз. Дети стали удивляться и хихикать. Дома Валентин журил Марусю и просил ее больше так не делать. Она обещала. Но на следующей елке снова громко брякнула, не сдержав гордости:

– Это не Дед Мороз, это мой папка!

С тех пор Марусю старались оставлять дома. Потом она с восторгом рассказывала подружкам:

– Папка играл на Новый год Деда Мороза. Выходит на сцену и говорит: «Ну, ребята, если вы правильно отгадаете вопросы викторины, получите от меня любой приз, какой захотите!» И один парень кричит: «А если я «мерседес» хочу?!» На что папка, то есть Дед Мороз, отвечает: «Ну, мало ли что ты хочешь!»

Ксения слышала эти разговорчики и заметила дочери:

– Это папа маху дал. Нужно было, не стусевавшись, сказать: «Пожалуйста!» – после чего достать из мешка игрушечную машинку и объявить: «Вот тебе и твой «мерседес»!»

– А он и полез в мешок что-то доставать, а что – не говорит. И тут все ребята в зале громко шепчут: «Достает динамит!...» Но он вытащил сразу много шариков. А потом папка, то есть Дед Мороз, объявляет: «Разнося подарки, я ездил по белу свету! Побывал и в жарких странах. Вот отсюда вам сейчас будет большой живой подарок!...» А один малыш спрашивает: «Мама, а как же он не ластаял, когда был в жалких стланах?!»

Как им, молодым, хотелось тогда играть... Играть и прославиться. Более чем понятное желание. Тем более в юные годы, когда так нужна некая внешняя высшая санкция – подтверждение твоего права быть тем, кем быть хочешь. Увидеть себя на экране, в главной роли – это чудо, к которому еще надо привыкнуть. Это теперь, в свои годы и с новой печальной умудренностью, Ксения понимала, что все это на самом деле имеет совершенно иную цену и значение.

Но тогда... тогда она думала так, как требовал ее возраст. Диктующий некий стимул существования. Влекущий стимул. А там... кто его знает – как может обернуться судьба, так ведь?...

И Шар тогда рассуждал на съемках: – Правильно сделал Достоевский, изобразив героев не традиционно положительных, а оступившихся, падших, кающихся, раздавленных жизнью, выбирающих и выбирающихся из своего положения. Тем самым он не отвратил людей от пресной добродетели и показал духовную борьбу человека за добро. И точно так же – пусть на другом уровне! – поступил Носов, избрав главным героем Незнайку. Не «от и до» безупречного Знайка, а этакого милого, хорошего, забавного, но постоянно ошибающегося коротышку в большой шляпе. И тоже показал борьбу внутри этой души. Знайка – это тривиально и неинтересно. А так – есть и он, и другие положительные типчики, но в центре – борения человека, пусть коротышки, с самим собой, со своими дурными чертами и проступками. Прямо по Достоевскому, потому и выстрелило!

Ничего себе параллель...

Но тогда молоденькая начинающая Ксения смотрела известному режиссеру в рот, ловила каждое слово, как ласточка хватая на лету насекомых. Потом, позже, они разругались вдрызг. Шар не смог ей простить, что она перестала ему подчиняться. Орал:

– Кино – моя религия! И здесь – лишь мои законы!

А Ксения плохо скрывала, даже не пыталась, что у нее уже давно другой Бог. Однажды Шар обозвал актеров пьяными свиньями... Пили они, конечно, это правда...

Шару нужна была роль, а Ксении – деньги за роль. И слава. И успех. Сняться у Шара в девятнадцать лет – это неслыханно! А роль-то была – тьфу! Какая-то примитивно сляпанная любовная история. Ксения играла фабричную девчонку, устоявшую перед всеми невзгодами-испытаниями. Преодолела судьбу. Судьба... Сегодня тебя пригласит Шар, а завтра он же обсмеет на пробах. Скажет:

– Сыграть хуже, моя золотая, невозможно! Маленькая Маруся, впервые увидев мать на экране и старательно прочитав все титры, спросила:

– А почему там написано про тебя «Ксения Леднева»?

Ксения удивилась:

– Так ведь это мои имя и фамилия!

– Нет, это непонятно, неправильно, – покачала головой дочка.

– А как надо, по-твоему?

И Маруся важно изрекла:

– Надо написать «мама»! Тогда всем будет понятно, что это ты!

Ксения хохотала.

Какой счастливой она была тогда... Потому что была молода.

И жила пока в рамках своего бытия, не выходя за его границы, как все всегда в самом начале. И думала только об этом. И играла лишь это – самое себя и свой мир, правильнее – мирок... Играла себя в этом мире, а не мир в себе. А собственное «я» – хоть и большое, но ограниченное, и оно быстро кончится, когда ты его целиком выразишь и сыграешь до конца. И что ты будешь тогда делать, что изображать?...

В каждую свою роль она входила, как в незнакомую реку. И легкие волны вдруг захлестывали ее, и несли, и тянули... волокли за собой... И порой били в лицо, хлестали по рукам: что ты делаешь? Куда полезла?! Куда тебя понесло, глупую, неразумную?...

Через много лет пришло осознание – все и всякое наше счастье идет от неведения. Это страшно...

И в сущности, тебе не дано ничего знать. Но почему?! И как тогда жить?

Потом, позже, ей все это надоело, она года четыре вообще не играла и прекрасно себя чувствовала. Буквально летала. И сейчас ни за что не взялась бы за старое, если бы не нужда. Ксения снималась и выходила на сцену ровно столько, сколько требовалось для жизни, ничего

лишнего. Ездил по городам и весям с антрепризой по рассказам Чехова, иногда соглашалась на съемки, но после них почти всегда жила мучительно – оставался тяжелый осадок бессмысленности.

Да, исключительно ради заработка. Она не любила и не любит кино. Наверное, и оно было послано ей для смирения. Собственные актерские удачи Ксения связывала только с театром. Семнадцать лет прослужила на сцене, работала с великими режиссерами... А сейчас отвергала многие роли, придирчиво смотрела на драматургическую основу.

Кинорежиссеры ее заметили еще в юности, после фильма Шара, и отбоя от предложений сниматься у нее не было. Хотя Ксения никогда не считала себя фанаткой своей профессии – всегда достаточно свободный человек. Могла увлечься, влюбиться, уехать куда-то, начать писать... Ни на чем не заикливалась.

Кино... Одни переводные фильмы чего стоят. И сами переводы. Например, с Кэйт Уинслет – «Вечное сияние страсти». Интригует картинка на диске: Кэйт, лапочка, и мальчик лежат рядом на спине, глядя в небо, среди снегов, в шубках, судя по всему – где-то около Северного полюса. В общем, ясно: будет что-то отчасти любовное, отчасти фантастическое, отчасти философское. И вдруг Ксения увидела другое название – «Вечное сияние чистого разума». Похоже, но наполовину, и странно... Очень странно... Полезла в Интернет. И вот вам новый прикол! Это оказался один и тот же фильм, но название перевели по-разному. Очень уж по-разному. Фильм так и шел под двумя названиями вполне официально. Ничего себе различка... «Страсть» и «чистый разум» – это как-то, мягко говоря, достаточно чужеродные вещи, если не сказать больше... И интересно, как же в английском оригинале, родившем такие странные «синонимы»? Тоже загадка...

А нашумевший триллер с сыном Брюса Ли, во время съемок которого тот и погиб, переводился как «Ворон». Но Ксения видела титры на английском. В оригинале фильм называется «The Crow». По-английски не ворон, а ворона. Ворон по-английски – «Raven». И ворон и ворона – это разные птицы, а не самцы-самки одной, как иногда думают. Так что, если название фильма переводить точно – он называется «Ворона». Только пойдут ли люди смотреть фильм под этим названием? «Ворон» – романтичнее, отсюда и перевод.

– Почему ты, мамулик, так редко снимаешься в кино? – привязалась как-то Маруся.

Ксения нервно передернула плечами:

– Через почему... Кого мне там играть – мать киллера? Обойдусь! Эти сомнительные проекты не для меня. И вообще я стала домашним животным – никуда не хочу идти. Если бы ты знала, Манька, какие сценарии предлагают – просто караул! Литература и искусство откололись от жизни, изменили ей. Теперь пишут красивенькие пустячки для забавы сытых, чутье на правду потеряно. Талантливость раскрученных – кажущаяся. Простая бойкость и ловкость, на ходу превращающаяся в недобросовестность. Писатели теперь изливаются желчью по нашему сексуально-криминальному TV. Это куда доходнее, чем писать книги. И труда никакого. Читала я тут как-то интервью с одной популярной беллетристкой, той самой, которая... Так вот ее спрашивают, какие цели она преследует своими книгами. И она отвечает: «Да никаких!» По принципу «писатель пописывает, читатель почитывает». Хотя Чехов утверждал, что ему, как писателю, обязательно нужен хоть кусочек общественной и политической жизни. Но то Чехов... А одна знакомая сценаристка рассказала мне в ужасе, что известное крупное издательство в лице главного редактора попросило ее написать серию порнографических романов. Обещало раскрутку, промоушен и пиар. Тавтология, прости... Это от злости. Так вот моя знакомая объявила: «Ну куда мне с моим словарным запасом да на порнографию? Я владею лишь одной фразой: «Иди ты на хрен!» Без вариантов... Нынче вообще стать звездным писателем просто. Отвали издательству пятьдесят тысяч баксов – и уже завтра о тебе начнет назойливо ворковать радио, нежно и вкрадчиво мурлыкать TV, твоей милой мордашкой оклеят все вагоны метро и тарелки для денег в книжных магазинах. Только плати! Но место в вечности

купить нельзя! Ни за какие бабки! Я слышала, как по радио представляли даму, у которой еще нет ни одной книги. Но будет обязательно гениальная! Она ведь заплаченная. Все просто, как линейка. В наше время дьявол поселился в печатной краске. И не только там. Еще на экране, на пленках...

– А ты недавно смотрела «Бригаду» по виду! – подколола Маруся. – И как впечатления?

– Посмотрела одну серию... И почувствовала ужас. Вижу: я сочувствую им! Откровенно сопереживаю. Хотя прекрасно понимаю другой стороной своей души, что это мое чувство – ложное, недолжное, но ничего не могу с собой сделать. Так мастерски сделан фильм, что нельзя, физически невозможно проникнуться ничем иным, кроме как состраданием. Я выключила видак и поняла, что больше никогда «Бригаду» смотреть не попытаюсь. Но не все сделают так, вот в чем ужас, а что происходит с людьми от этого фильма – я уже более чем красноречиво осознала. По-моему, одни лишь шестнадцать томов изданной «Бригады» – число, превысившее лимит Господнего терпения. Капитана Блада было только на два тома – и то, если я не ошибаюсь, кораблик сгорел... Знаешь, Манька, а ведь в основе этой самой пресловутой «Бригады» – знаменитый когда-то фильм «Джентльмены удачи». Без вариантов. Маруся вытаращила глаза:

– Это еще почему?

– А через почему! Исподволь началось как раз с этого фильма, уже тогда, в те затертые годы, и к чему привело в эпоху так называемой демократии? Именно в «Джентльменах» впервые показали нам образы несчастных преступников. Он вор – но он же обездоленный человек, страдалец! У него ни семьи, ни друзей, никого... Давайте его пожалеем! И все начинают дружно жалеть. Прекрасные актеры играли. Те самые, которые... А коллективно обожаемый всеми Остап Бендер? Это же обыкновенный прохиндей, мошенник, ворюга! Но как подан! Под каким соусом! И все влюблены – прямо герой своего времени, не меньше! Вообще я стала ловить себя на нормальном, здоровом консерватизме. Раньше, в советском кино, всегда минимум декораций, все сделано дешево и простенько, зато актеры играют по-настоящему. Сейчас появилась компьютерная графика, с помощью которой создаются и ландшафты Марса, и подземелья замка Дракулы, но актерская игра на этом фоне зачастую почти никакая. А зачем, если есть такой фон? Вот ты смотрела сериал «Девственница». Стало быть, там какая-то романтическая девственница фигурирует. А серий! Допустим, идет семьдесят восьмая, а всего их больше ста или двухсот, не знаю точно. Так эта девственница – она когда-нибудь свою девственность отдаст какому-то романтическому мужику или нет? Он ведь, поди, всю дорогу этого домогается. Думаю, что по закону подобного жанра – все случится аккуратно в самой-самой последней серии. И в этом суть сериала. Засилье тупого американского кино... Недавно одной моей знакомой сценаристке заявили в американской пиар-компании: «Ваш сценарий неадекватен. Вы претендуете на внимание молодежной аудитории, а почему в вашем фильме почти никто не пьет пива? Школьники должны пить пиво, обязаны! Потом – а где же половые акты?! Во всем фильме – ни одного!.. Вот та девица, которая бежит голой и пытается раскрутить главного героя на секс, – ее и надо было сделать главной героиней! А у вас? Инвалидка какая-то... Кому нужны убогие?! Это, по сути, красивая сказка. Мальчик хочет помочь больной девочке и помогает!» Ну что тут можно было ответить? Разве наш молодежь – весь без исключения! – хочет той дичи, которую ему показывают? Многие образы им пытаются навязать. Сказка... А «ночные дозоры», маги и вампиры на улицах Москвы – не сказка, а реальность, так, что ли?! Вот недавно говорили мы на фуршете о живописи – чтобы быть художником, надо все время работать или?... Я вспомнила Леонардо да Винчи. Он написал не очень много картин. И тут кто-то, услышав краем уха мою реплику, вставляется в разговор: «Леонардо да Винчи? Это тот самый художник, который фигурирует в «Коде да Винчи»?» Я взбеленилась! Ну до чего мы дошли! Теперь при упоминании имени Леонардо да Винчи у людей первая ассоциация – книга «Код да Винчи»! Его пиарят вовсю, аж выпускникам билеты впаривают. Но когда в кинотеат-

рах шли «Страсти Христовы» – залы были полны и многие выходили из кинотеатра со слезами на глазах. А когда всюду крутили распиаренный «Код...», в залах сидело по десять человек, пришедших, чтобы пива попить и потусоваться.

Дочка махнула рукой. Она считала мать более чем странной. Может, так оно и было на самом деле.

Глава 3

Дашку снова упаковали в одеяло и пошли домой. Неожиданно взвинченная удивлением докторши Ксения потребовала у Петра немедленного объяснения, почему Маруся тайком от матери бросила кормить дочку.

– Можно варить кашу. Мы варим. Это даже лучше смесей. А их тоже полно, – спокойно ушел от ответа Петр.

Ему, видно, совершенно наплевать, что у ребенка диатез.

– Кашу?! – взвилась Ксения. – Нет, вы не родители, вы звери какие-то! При материнском молоке, в четыре месяца – кашу! Это надо же додуматься – кашу! И какую же, если не секрет?

– Марусе некогда, Ксения Георгиевна, – с тайным ехидством сказал Петя. – Я ведь сколько раз говорил, что институт ей надо бросить. Она не может, не справляется.

– А через не может! – вспылила Ксения.

Опять он про институт! Ксения не в силах позволить Марусе бросить учебу, с таким трудом поступила, и вообще... Отговорка это! Не справляется! Ксения растила Марусю и училась. И снималась. Таскала дочку за собой под мышкой. А Маньке некогда своего ребенка кормить?!

– Не хочу говорить с тобой на эту тему! – Ксения кипела ненавистью. – Маруся должна учиться. А время найти можно! Вы же с ней по гостям без конца шляетесь, Дашка вечно либо с одноразовыми няньками, либо со мной. Я не возражаю, я даже рада. Но не вали все на институт! На себя посмотрите! Каждый сам себе дирижер.

Петр тотчас злобно надулся, вроде пачки творога с просроченной датой годности, как всегда после разговора с тещей, но пререкаться перестал, оставшись при своем мнении.

Бурно развивавшийся в России институт бабушек за последние годы явно сбавил темпы. Бизнесмены и преуспевающие граждане России приобрели отличную возможность зазывать в свои квартиры нянь и даже гувернанток – по нраву пришлось слово из дореволюционного лексикона. Так что стали формироваться и совершенствоваться несметные полчища нянюшек, движение стремительно набирало обороты и цены. Недавно и Маруся выступила с гражданской инициативой взять постоянную няню для Дашки. А что особенного? Очень просто! Есть множество фирм, где тебе в полчаса подберут сразу несколько вполне приличных, проверенных кандидатур с безупречными рекомендациями.

Вечером Ксения закатила дочери очередной скандал.

– Тебе не страшно отдавать ребенка в чужие руки?! Ты нарвешься на этих сомнительных няньках! До добра они не доведут!

– Но я ведь учусь! – провизжала в ответ Маруся. – Ты сама настаиваешь на этом институте! Тебе нравится мой совершенно дурацкий автодорожный. Тогда какой же выход? Я не могу!

– А через не могу! – прокричала Ксения.

И мрачно задумалась. В последнее время она была постоянно раздражена. Причин для этого – как комарья в сырое лето. Только с Дашей и Денисом отдыхаешь.

Она сердилась на Марусю, поспешившую с замужеством и моментально родившую, на Петю, который не желал ради маленькой дочери расстаться с огромным и глупым догом, своей нежной привязанностью и страстью. И Маруся тоже обожала эту собаку, с которой надо гулять, мыть ее, кормить, и место ей нужно. А найди попробуй это место в их маленькой двухкомнатной квартире! И вообще, собака в доме – это не по православию. Кошку – можно, а псину в квартире не держат. Но разве молодым что-то втолкуешь!

– Не понимаю людей, которые заводят собак! Гулять с ними да еще и убирать за ними! – однажды взорвалась Ксения.

– А почему тебя не смущают люди, которые заводят детей? Ведь с детьми все то же самое – и гулять, и убирать, – с удовольствием парировала дочь.

Кроме всего прочего, пес без конца лаял. Ксения удивлялась: дог – и лает?! Умная ведь собака, а тут... Или в данном конкретном случае дело не в собаке, а в хозяине? Петра, видимо, никакая самая воспитанная и благородная псина выдержать спокойно не в силах.

Плохая из нее получилась теща, прямо никудышная.

А вот к ребенку, который просыпается в шесть и начинает плакать – мокро ведь, голодно, одиноко! – ни Маруся, ни Петя ни за что не встанут. Они желают спать до семи. Давить подушки по утрам до отказа. И пусть никто к Даше не подходит – ни к чему это хорошему не приведет. Ребенок должен приучаться к порядку.

Порядок... Да сами-то они знают, что такое порядок? Ни один, ни другой сроду за собой не уберут, если не попросишь, не вымоют, не сготовят. Лишь вечный вопль истомившихся душ: «Мама, мы к тебе заедем пообедать!» Или, как вариант, «Ксюша». Потому что последний муж Ксении, Глеб Морозов, точно такой же.

– Нет ужина? Не успела? А почему?

– Через почему! – огрызалась Ксения.

– А есть как хочется... Что же ты делала? Все игры, игры... Театры бесконечные...

Вот так никогда в жизни не сказал бы первый муж Ксении, Валентин, Марусин отец. Или ей так только теперь кажется? В ее представлении он навсегда остался настоящим мужчиной. Настоящий мужчина... Что это значит?

– Звезда моя, ну-ка давай, я тебе помогу, чтобы побыстрее!

И он открывал холодильник, высматривал в нем вчерашнюю картошку и с довольным видом бросал ее на сковородку.

– Видишь, а ты утверждала, что в доме ничего нет!

Да, Валентин...

Как злятся иногда Ксения, узнав, что Маруся с Петей опять были у него в прошлое воскресенье! Запретить невозможно – взрослые, но каждый их поход туда доводил Ксению до отчаяния.

– Маруся, неужели тебе там интересно?

– Нормально! – бросает на ходу современная дочь.

– А Петя говорит, что тебе мешает институт! Что вы там делаете целыми днями?

– Играем в карты. Петя любит, – звучит лаконично в ответ.

Ну конечно, карты, лото, домино, Петя ведь совершенно ничего не читает, а где Варвара, вторая жена Валентина, там и карты, и лото, и домино. Варвара – это исчадие ада, совершенно необъяснимое ни с каких позиций существо, не поддающееся ни малейшему определению, вне всякой логики и морали...

У Варьки никогда не готовится обед, не моются полы, не оттаивается холодильник. Она целый день только пьет чай и жует бутерброды. Чем живы у нее муж и Денис – понять трудно. Она не хочет ни работать, ни учиться, а Дениса при любом удобном случае подбрасывает Ксении, чтобы не мешал. Чему может мешать вечно сопливый, с непроходящим кашлем Денис – это ясно. Чтению.

Варвара с утра до вечера без перерыва читает, лежа на кровати. Книги она глотает, не запоминая ни автора, ни названия, ни содержания. Поднимаясь вечером с дивана с очередным романом в руке навстречу Валентину, она шатается, словно от головокружения. Кружение от чтения. В ее памяти бродят, часто попадая не в свою книгу, различные герои, путаются сюжеты, переплетаются диалоги, сливаются в огромное полотно пейзажи, люди чего-то хотят, ищут, добиваются...

Одна Варька ничего не хочет и не добивается. Потому что она уже своего добилась и больше ей ничего не надо. Добилась она Валентина. Взгляд у нее мутный, неосмысленный, как у грудного ребенка, на веселые вопросы мужа она отвечает невпопад.

Но Валентин ничего этого замечать не хочет.

– Есть только две категории женщин, – сказал он Ксении, когда она попыталась обвинить Варьку в невнимании к Денису. – К одной относится моя жена, к другой – все остальные. И не пытайся говорить о ней плохо.

Шопенгауэр писал, что если человек без конца читает, то у него в голове нет ни единой своей мысли, а потому так остро необходимы чужие. Валентин плевал на Шопенгауэра.

Маруся иронически и выжидательно посматривала на мать.

– Так как же насчет няни? Ты довольно прилично получаешь – тыща баксов за один съемочный день.

– Отстаешь от жизни, Манька, за «Секретный отдел» я запросила больше, – угрюмо бурчала Ксения. – Сторговались на полутора тысячах. Каждый сам себе дирижер... Мне нужно зарядить мобилу. Где этот проклятый шнур, который втыкается ему в задницу?!

Маруся расцвела.

– Мамусик, ты у нас настоящий клад! Это ведь огромный сериал! Ну, давай найдем хорошую няню! Шнур валяется в ванной. Его там Денис бросил.

– Хорошо, – мрачно сдалась Ксения и погрызла сигарету. – Я позвоню Оле.

Часто вспоминался дворик из Ксениного детства. Совершенно заморенный, забитый асфальтом и отравленный бензином, полудохлый московский палисадник в самом центре. Садик не садик... Что-то невразумительное по сути и чудовищное по исполнению. Пара гаражей, воткнувшиеся в глухой мрачно-серый угол, и безумные деревья, каждую весну вступающие в жестокую борьбу за свою никому не нужную жизнь. Среди этих зеленых смельчаков, выживающих на грани отчаяния, часто играли три девочки из трех тесно прижавшихся друг к другу старых сталинских домов. Эпохально высокие потолки, танково-толстые стены – почти броня, символ Страны Советов, зато крохотные окна... Летний холод подъездов и их зимняя жара... Три мамы сидели на скамейке, разговаривая. Они, как и дочки, были совершенно разные: одна высокая и полноватая, вторая – маленькая кубышка и Ксенина мама – самая красивая, стройная, даже худая. Всех роднило одно обстоятельство: сумасшедшая, как любила повторять Ксенина мать, любовь к детям. Жизнь всех троих сосредоточилась на дочерях. Отдали их в один и тот же класс и купили одинаковые платья – словно залог их дружбы в будущем.

Олечка Лисова, высокая, в маму, блондинка, уже в младших классах стала сутулиться, смущаясь своего роста. Смазливенькая, несмотря на слегка выдающийся нос, Ольга не отличалась усердием и вниманием. А посему тройка стала ее главной победой за все пребывание в школе. С годами не родилось в ней пристрастия к какой-либо науке, только в старших классах она вдруг решила учить английский, зато потрясающе умело пользовалась шпаргалками и, стоя у доски, свободно улавливала подсказки даже с последней парты. Собственная неудачливость Олю никогда не огорчала. Она жила ко всему едва притрагиваясь и ничем глубоко не поражаясь и не восхищаясь. Но очень любила своих подруг.

Ксения тоже звезд с неба не хватала, зато всегда вралась ввысь. Слизывала у одноклассников домашние задания. Перед контрольными договаривалась, чтобы ей подсказывали. Краснела от страха, что сама ни с чем не справится. Да еще новые учителя без конца неправильно произносили ее фамилию – Леднёва. Точно так же потом и преподаватели ВГИКа.

– Леднева, – поправляла она. Они извинялись, и снова...

– Леднёва.

– Леднева! – кричала Ксения. – Без вариантов!

– Простите... – рассеянно отзывался очередной препод.

Очень некрасивая, худая и дисгармоничная, она быстро поняла, что комплексовать ей никак нельзя. Иначе не избежать злобы и зависти именно к тем, кто ей помогает, – ведь они знали и умели больше ее. Ксения взялась бороться с собой, со своими мыслями по поводу... Ну и что же, пусть некрасивая! Не всем же Софилоренками быть! А потом... все учителя дружно принялись ставить ей пятерки – за отца. Ксения быстро догадалась, в чем тут дело. Дети за родителей не отвечают – якобы! – но родители должны отвечать за детей. И этот ответ папа Леднев держал мастерски.

Третья подружка, Наташа Моторина, маленькая и кругленькая, черноволосая и милая, оказалась самой способной из трех девочек. Кроме того, она быстро наловчилась льстить учителям и заискивать перед ними, потому стала их неизменной любимицей, а с их подачи – бессменной старостой класса. Ната с детства выделялась спокойствием и рассудительностью, добротой и вниманием к окружающим. Говорила медленно, будто обдумывая слова на ходу. Она не интересовалась всем и вся – отдавала предпочтение математике и физике. Остальные предметы были для нее вынужденно-необходимыми. Две подружки детства всегда оставались при ней. Оля постоянно спрашивала жизненных советов и помощи, Ксения больше молчала, завидуя Наталье острее, чем кому-либо другому. Но позже все резко изменилось.

В девятом классе Ольга принесла в школу театрально-киношную заразу.

В кино бегали скопом, на любой фильм. Дружно сходили с ума от Делона, Брандо и Тихонова. Восхищались Бардо и Кардинале.

Как давно это было... И абсолютно одинокий теперь, когда-то красавец Делон, горько признающийся, что снялся почти в семидесяти фильмах и не понимает, зачем и для чего... Нужен лишь человек рядом, единственный, до конца... просто близкий... родной... почему его нет?...

Изрезанная морщинами Бардо, занимающаяся животными. Потому что люди стали непеносимы...

В те времена интересные кинофильмы еще не наступали широким строевым шагом по экранам телевизоров, приходилось отлавливать кинохиты, искать, пробиваться на какие-то закрытые просмотры. И тогда для всех стало открытием, что Ксения, некрасивая, с блеклыми волосами, острым носом и маленькими невыразительными глазками, всеильна. Или почти всемогуща. У Ксении – великий отец.

В те времена все в жизни определяла и направляла партия.

Ксения часто вспоминала фильм Самсона Самсонова «Оптимистическая трагедия». По пьесе Всеволода Вишневского. Там комиссара-дамочку спрашивал один красный латыш:

– Ты одна, комиссар?

И она отвечала вопросом:

– А партия?

Так что одиноких в те замечательные дни быть просто не могло. А если и попадались на пути-дороге отдельные личности-одиночки, то исключительно беспартийные, значит, по определению себя в жизни не нашедшие.

Отец Ксении, Георгий Семенович Леднев, себя нашел. Он стоял прямо у кормила власти – возглавлял одну из крупнейших газет Советского Союза. Кормило власти неплохо прикармливало и его, и всю семью Ледневых, но требовало такой самоотдачи и самозабвения, что Ксения отца дома почти не видела. Он приезжал, когда дочь уже спала, и отбывал в редакцию, когда она еще не проснулась. Была велика и ответственность: малейшая ошибка могла обойтись руководителю слишком дорого – потерей места главного. Поэтому отец привык разряжаться и заряжаться по воскресеньям с бутылкой в руке. И шутил:

– Нас из редакции вынесут зубами вперед. Мать старалась не обращать внимания на эти «зарядки».

– Тяжелая у отца должность, – часто повторяла она. – Неблагодарная.

Неблагодарная-то почему? – думала Ксения.

– Знаешь, какой мужчина самый лучший? – хмыкнул как-то Валентин в ответ на Ксенины упреки. – Который уходит, когда ты спишь, и возвращается, когда ты его не ждешь.

Да, Валентин...

С ним Ксению познакомил отец.

Благодаря его высокой должности Ксения имела редкую возможность получать контрамарки во все театры и на закрытые кинопросмотры. И весь класс стал смотреть Ксении в рот и лебезить перед ней – контрамарки выдавались обычно на два лица, и кто станет этим вторым, целиком зависело от ее выбора.

Она почувствовала свою силу и власть – какое волшебное состояние! – и понемногу превратилась в капризного, избалованного ребенка, который сам не знает, чего хочет. Ксенины выверты и закидоны – одноклассники каждый раз затаив дыхание ждали, кого пригласит с собой редакторское чадо, – быстро надоели всем без исключения. Все, кроме Оли, стали ее ненавидеть, но молчали – в кино и театр хотелось всем.

С детства Ксения чувствовала себя никому не нужной. Мысль казалась странной, прелевшей с одним из газетных самолетиков – их они так любили запускать в небо... Особенно преуспела в этом искусстве Натка, старательно лепившая «утиков», как она говорила, и метко выстреливающая ими в самую высь.

Почему Ксения была ненужной? Ее усердно баловали, покупали дорогие игрушки и тряпки, возили на юга... Навсегда остался радостью часто вспоминающийся влажный морской запах желто-песчаной Евпатории. И еще ездили на дачу.

Однажды в зимние каникулы, после Нового года, они с Варькой бежали домой из гостей. Был шумный, бестолковый сладкий детский праздник, липкие от конфет пальцы, севшие от смеха и крика голоса, уставшие от хохота губы... Взрослые просто изошли улыбками, глядя на сестер Лед-невых.

Это из-за отца, понимала Ксения.

Варька еще ничего не соображала. Возле дома она испуганно дернула Ксению за рукав:

– Дурка, стой...

Сестры остановились.

На широкой застекленной веранде маячило привидение. Такое темное загадочное и лохматое облачко... Плавало в неверных морозно-белых парах – мать открыла окно – и покачивалось. Как пьяный отец, недавно вернувшийся из редакции.

Сестры в страхе попятились – как громко скрипит снег-предатель! – и спрятались за углом. И так стояли, замерев, чтобы их видно оттуда не было, и боялись войти в дом. А подлое привидение качалось и качалось грязной тряпицей, явно не собираясь никуда исчезать.

И Ксения подумала: если мама, забеспокоившись, что дети долго не возвращаются, выйдет на крыльцо, привидение может ее схватить! Нет, этого допустить нельзя. Она очертя голову кинулась вперед и самоотверженно заголосила. Сзади пронзительно завизжала Варька. Привидение бросилось к ней с громким лаем и оказалось собакой Ледневых. Она стояла на веранде на задних лапах, положив передние на перила. Холодный пар и свет фонаря исказили мир, превращая в непонятный и призрачный.

Когда сестры все рассказали родителям, отец назидательно и важно (он всегда так разговаривал) спросил:

– А у вас не возникла мысль, что вы, советские дети, должны не верить в какие-то там привидения, а смело идти вперед?

Ксения искренне ответила:

– Не-ет... Мы так испугались... И никаких мыслей, что мы – советские дети... Хотя потом я кинулась... Вспомнив о маме.

– Странно, – холодно заметил отец. – У меня бы обязательно возникла. Я советский просто на уровне генетики, на бессознательном уровне. И в вашей ситуации именно так подумал бы и действовал соответственно. Потому что всегда уверен, на уровне аксиомы, что никаких привидений и ничего подобного быть не может, ибо я – советский человек, то есть человек самой лучшей на земле и вообще единственно правильной веры, отрицающей все нематериальное.

Ксения внимательно глянула на него и тихо отошла в сторону.

И впервые подумала, какой он сложный – ее отец. Видно, непростое у него поле, нервный он и трудно ему расслабиться. Сжатый, судорожный человек. Оттого и с желудком у него дела неважные, мама говорила: предъязвенное состояние. Русокудрый, с вытянутой шеей, с голубыми круглыми напряженными глазами и таким же стиснутым ртом. Всегда мрачный, квадратнолицый, руки до колен...

Разговаривая, отец обычно страшноовато нависал над собеседником, не отрывая от него глаз с крохотными дулами зрачков.

– Сатанинский взгляд, – как-то сказал о нем Валентин.

Ксения долго не спрашивала, как он познакомился с Георгием Семеновичем. Но однажды поинтересовалась.

– Нас награждали, – отозвался Валентин. – Вручали премии. В большом ЦК. И был твой отец. Потом подошел ко мне, пожал руку, признался, что любит все мои роли... Так, слово за слово... Я пригласил его в Дом актера, он приехал...

Работал отец по-сталински. В тех еще, старых, былых традициях. Неутомимо. С огоньком. Ни в чем никогда не сомневался и не обманывался. Да и зачем? Когда все и так разжевано. Во времена его молодости даже самый тупой первокурсник обращался с заумной «проработочной» статьей как с капустным кочаном, быстро добираясь до кочерыжки, до основы.

То поколение казалось Ксении удивительным. Оптимисты, жизнелюбы. Прошли войну. Отстояли свою землю. А тревога за страну обесмысливает, обесценивает страдания отдельной личности, обычного человека. Они растили детей. Верили в светлое будущее. В коммунизм, в мировую революцию. Только Богу там, увы, не нашлось места. Решили обойтись без Него.

Иногда отец мурлыкал себе под нос, Ксения слышала:

Ты себе на носу заруби,
Нельзя продаваться за доллары,
Но можно – за рубли!

И еще:

Вдруг сделалось светло.
Вдруг легче задышалось,
Вдруг радостней запелось,
Вдруг пуще захотелось
Работать во весь дух,
Работать по-хорошему,
По-русски, по-стахановски...
По-ленински, по-сталински
Без усталости, с огнем...

Отец прошел Великую Отечественную от звонка до звонка. В разведке. Уцелел по счастливой случайности. Так выпало на долю.

Как-то Ксения спросила его:

– А вы пленных немцев на допросах били, пытали? Или правда по-благородному обходились, несмотря на то что фрицы наших истязали?

Отец усмехнулся:

– Отвечу тебе честно. Мы, русские, действительно не агрессивны по природе. Но конечно, меры принимали, что лукавить... Вот что мы делали. Дадим пленному немцу хорошо поест: от пуза хлеба и селедочки соленой. Ешь сколько хочешь, немчура! А потом – вот тебе питьевая вода и запей соленую селедочку опять же, сколько хочешь! И тут мы его на допрос вызываем. До окончания которого в туалет выходить не положено. И будь спокойна: все немцы, как миленькие, благополучно раскалывались, проблем с показаниями не было. Но никакого битья, никаких пыток. Так что и по закону мы оказывались чисты.

У сестер была пластинка со сказкой про Буратино, к которой присобачили другой конец, чем в оригинале, где герои нашли свой театр. На той пластинке из Ксениного детства весь сюжет сказки сохранили, кроме концовки. Герои нашли якобы не театр, а дирижабль, который понесет их в необыкновенную страну, где старики счастливы, как дети. Эта страна называется СССР.

Первая дочка родилась у Ледневых очень поздно, когда они, наверное, совсем отказались от надежды иметь ребенка. То ли матери не рожалось, то ли отец сначала хотел добиться высокого положения и почестей... Правды Ксения так никогда и не узнала.

Хотя мать была намного моложе отца, да и поженились они, когда он уже занимал видный пост.

В десятом классе Оля неожиданно пожаловалась:

– Ксень, знаешь, у меня есть своего рода фобия или комплекс, как уж лучше назвать... Когда звонит телефон, а трубку берет мама и слушает долго-долго, не говоря ни слова, у меня начинает проваливаться сердце. Потому что так бывало много раз. И каждый раз по телефону наша классная докладывала маме, что я учинила: нахватала двоек, поругалась с литераторшей или физичкой, прогуляла, опоздала на первые уроки... Вот и сохранились эти страхи – а вдруг опять на меня жалуются и я снова что-то сделала не так...

Ксения вздохнула. Как трудно жить на земле... А кто тебе обещал, что будет легко?...

– Фобия... У меня тоже завелась некоторая. И тоже с детства. Я боюсь провернуть дома какую-нибудь инициативу, если там кто-то болтается, кроме меня. Даже Варька. Например, хочу снять занавески и поменять их местами в комнатах, или передвинуть кресла, или переставить книги – и жутко боюсь... Я всегда была чересчур инициативной, а это, как известно, наказуемо, и при всех моих затеях мама меня всегда резко одергивала: «Ты что делаешь?! Тебе кто разрешил?!» И хотя сейчас я вроде выросла, и теперь мама мне так говорит очень редко, все равно я невольно стараюсь провернуть свои новации в одиночку. Придут – увидят... Это ладно, ничего. – Она задумалась. – А у тебя... Ты просто исходи из реальности – мы взрослые, даже если ты что-то натворишь и тебе будут звонить, то теперь к телефону будут просить сразу тебя и говорить на эту тему будут только с тобой, а уж никак не с твоей мамой. Без вариантов.

Ольгу совет выручил. Она потом благодарила за него подругу, а вот Ксения... Что могло ей пригодиться в жизни?...

Глава 4

Почему-то Ксения особенно четко и ярко запоминала знакомства. Видно, новые люди оставляли в ее памяти отметины на всю жизнь. Ставили свое клеймо.

Она тогда сидела на подоконнике, свесив ноги во двор – в их полудохлый, заморенный псевдосадик, – и грустно курила. Думала о своей несчастной жизни. Мечтала, чтобы именно в ее несчастную жизнь ворвалась первая артистическая слава. Чтобы грела, нежила, убаюкивала. Чтобы постоянно натекать взглядом на улицах на свое лицо и читать-перечитывать: «В главной роли – Ксения Леднева»... Чтобы увивались вокруг актеришки, лстили режиссеры и операторы, писали поклонники... И жизнь больше не оставалась несчастной и одинокой.

Они шли через темный двор, часто напоминающий Ксении провал, но куда? – отец и незнакомый высокий, какой-то размашистый человек. И дружно подняли голову вверх на жалко вспыхивающий, подрагивающий на весеннем ветру сигаретный огонек.

Неизвестный громко ахнул. Ксения не пошевелилась.

– Она всегда так сидит, – объяснил отец. – Когда дурью мается. А ею она мается почти всегда.

Незнакомец смотрел на Ксению, задрал голову. Долго стоял и смотрел. Отец недоуменно топтался рядом. И вдруг длинный тип пришел в себя, гаркнул: «Ё-моё!» – и метнулся к подъезду. Отец поспешил за ним. Ксения не шевелилась. Сигарета нервно помаргивала.

Отец восхищался Валентином. Говорил:

– Он читает стихи так артистично и выразительно, что они в любом случае впечатляют, независимо от содержания!

Ксения хмыкала:

– То есть, по-твоему, он может прочесть даже «бу-бу-бу, бу-бу-бу», но с такой интонацией, что все от этих стихов впадут в восторг и замрут под ошеломляющим впечатлением?...

Когда-то Ксения не знала, не представляла себе, что такое дом. Потом ей стало казаться, что это просто большая мама. Потом она начала слышать-видеть-ненавидеть: ненавидела она насильные кормежки и поздние возвращения отца. Потом Ксениным домом стали книги. Но читать – значит думать чужой головой вместо своей собственной. Привет Шопенгауэру! И какое-то время книги думали за нее, а потом ей это надоело.

В последних классах и на первых курсах ВГИКа все опять стало не так – Ксении казалось, что она живет на улице. Возвращалась домой и словно ничего не узнавала. Дома не было нигде – кругом одни здания, а все они – на одно лицо, и не угадаешь, который среди них для тебя настоящий.

С Валентином дом стал – Валентин.

Какой счастливой она была тогда... Потому что открыла для себя, что такое любовь.

Жили они весело и бурно. Гонорары всегда радостно прогуливали, просаживали в ресторанах.

Но современный человек любит делить и делиться. Это свидетельствует о широте его натуры. И вот мы и делим. Сначала постель, дом, деньги, обеды, заботы, обязанности, радости, печали... А потом вдруг все кончается – кончается все и всегда неожиданно, ждут с нетерпением одного лишь начала, и происходит совсем другая дележка. Пока что мирная.

– Вот эта вилочка тебе, а эта – мне. Эта книжечка тебе, а эта – мне. Эта комната твоя, а эта – моя... Тебе – половина, и мне – половина...

Позже может возникнуть и скандал: что-нибудь не поровну поделили, а современный мужчина стоек и не даст так просто сбить себя с толку.

Они быстро разделились на абсолютно разных, чужих и враждебных друг другу людей, которые не хотят больше видеть друг друга.

Неровный брак – называл их семью отец.

Только Ксения когда-то сильно ошиблась в том, что их развод – это конец. Валентин – великий актер и гуляка – слишком часто нуждался в Ксенииной тайной помощи и не стеснялся к ней за этой помощью обращаться. В основном поддержка касалась денег – и Ксения всегда одалживала. Так, чтобы не узнала вторая жена Валентина. А Глеб молчал.

Валентин...

Афиши восхищенно кричали: «В главной роли Валентин Оленев!» Хоть и бретер, бонвиван, гаер и лютый, бесконечно циничный волчара по глубинной своей сути – при всем при том человек, несомненно, в высшей степени талантливый. Конечно, игрок, прежде всего – игрок, не верит ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай, настоящей боли у него, во всяком случае теперь, нет, есть лишь «эстетика» и конъюнктурные экзерсисы на «соблазнительные» темы, но дар пластический, изобразительный, гармонический, актерский – огромный.

Когда Ксения узнала, что у Валентина будет ребенок от другой, стала устраивать ему некрасивые сцены, закатывать бурные истерики, слезливые скандалы. Маруська в испуге забивалась в угол подальше. Чего Ксения хотела тогда – чтобы он ушел или остался? Чего добивалась слезами – чтобы он женился на другой, растил своего второго ребенка или чтобы отказался от них двоих ради Ксении и Маруси? Где лежали границы его порядочности, к которой она пыталась обратиться? Порядочность...

Ксения и сама до сих пор точно не знает, чего хотела тогда. Наши желания... Что значат они для окружающих? Ей было безумно жалко и себя, и запуганную, притихшую Марусю, и то маленькое неизвестное существо, которое собиралось появиться у безмятежно и надменно взирающего на мир Валентина.

В поступках Ксении не было логики, слов она не обдумывала, мыслей не взвешивала – покричала, и вроде полегчало на миг.

Но ведь и Валентин не выглядел счастливым. Пожалуй, этот чересчур настоящий мужчина сам растерялся перед случившимся, и его растерянность оказалась так велика, что Ксения неожиданно стала его жалеть. Ну что ж, теперь у него будет двое детей. И никто ни в чем не виноват. Не ищите виновных. Запаситесь терпением и спокойствием, чтобы жить.

Но жизнь хоть и коротенькая, а терпения не хватает. Вечно ждать хорошего и верить в хорошее, которого нет сегодня и не было вчера, – кто сумеет доказать себе, что оно вдруг наступит завтра?

Каким несчастным казался Ксении Валентин! Какие измученные глаза на Валькином худом лице смотрели на нее с бесконечным отчаянием! Он стал совсем седой. И чем больше жалела его Ксения, тем туже затягивался, закручивался этот узел, который долго никто не хотел рубить. Наверное, в представлении Валентина настоящий мужчина так и должен себя вести. Возможно, он еще помнил о давнишней своей любви к жене и Маруське... Он тщетно пытался поделить себя между двумя семьями. Современный мужчина любит делить и делиться. Современный мужчина любит отдавать. Это свидетельствует о широте его... Ни о чем это не свидетельствует. Бесцветная перспектива...

И никто ни в чем не виноват. Так получилось. И оборвалось все само собой, в одно мгновение, почти безболезненно. Настоящая боль появилась уже потом, значительно позже, словно отошел наркоз. Любое событие – всего-навсего чистая вода без вкуса, цвета и запаха, которую судьба внезапно выливает на наши головы. И все зависит от души, способной сделать происшествие прекрасным или тяжким, милым или горьким.

Тоска не давала ни вздохнуть, ни выдохнуть, но судьбу не обскачешь. Это без вариантов. И лучше жить одной, чем с человеком, который тебя не любит и которому ты в тягость. Ночи наваливались – странные, такие глубокие, до мурашек по спине... какие-то отчаянные, сверхреальные погружения в мгновения прошлого, провалы в раскаленные моменты судьбы, как

горячие точки войны. Или это были предвестники скорого расставания со всем прошедшим, или отчаянный поиск смысла в прожитом.

Валентин, наконец, устал от крика (новая его дама сердца тоже не молчала!) и двойственного своего несуразного положения. И они разошлись.

И Валентин – великий актер на сцене и в жизни – женился на младшей родной Ксениной сестре Варваре, на этом исчадии ада, этом не поддающемся никаким нормам и принципам морали существе...

– Ты дурка! – твердила чересчур правдивая Варька. – Таких, как ты, и бросают, поняла? Ты же Валентина сама отпустила! И нечего зря ломать веники. А смотри, какая я – не работаю, ребенок, нас с Дениской нужно содержать, одевать, кормить. Вот пусть мужик и зарабатывает! А ты – самостоятельная, все сама можешь! Чего тебя не оставить? Больно много вас таких нынче развелось...

Варька была права. Пусть миром управляют мужчины. А ими вертят, как хотят, отдельные женщины. Вывод прост, как линейка...

Мать, после развода старшей и скоропалительного замужества младшей, слегла и очень долго болела. Иногда отец в гневе, срываясь, кричал Варьке:

– Это ты мать довела, ты! Не будь твоих вывертов, не болела бы мать! Мужика тебе, видите ли, на долю не хватило!

Варька реагировала хладнокровно, пожимала плечами:

– К чему зря ломать веники? И при чем тут я? Ты нервничай поаккуратнее, тебе уже много лет, – и заваливалась с очередной книгой на диван.

Спокойствие сестры давно уже не поражало Ксению. Она хорошо знала свою младшенькую, которая до трех лет не заводила Денису метрику. Да, ребенок жил словно в небытии. Ну и что же? Варька глядела холодными, наглыми светлыми глазами. Найдем время и заведем! Подумаешь, метрика! Потом она вдруг начала кокетничать с Петей. Маруся ходила беременная... Откровенно так кокетничала, без обиняков. Она была такая, Варька, ни в чем не скрытничала. Ксения ругалась, не пускала Марусю и Петю к Валентину. Маруся ревела... Не хочется вспоминать.

У Ксении с детства сложилось какое-то болезненное, раннее чувство ответственности за сестру. После одного очень давнего случая.

Они жили тогда на даче, и мать хозяйничала в саду, поручив Ксении следить за сестрой. Семимесячная Варька смирно лежала в кровати и сосредоточенно грызла кулак. Ксения играла на полу рядом. Потом Варьке кулак надоел, и она заорала. Скорее всего, просто хотела немножко внимания. Но Ксения этого не поняла и стала усердно трясти кровать, отчего сестра раскричалась громче. Тогда Ксения решила отнести Варьку к матери. Она и раньше так делала, но почему-то в тот день у нее не хватило сил нести толстую, кормленую девчонку на руках. Она выволокла сестру из кровати, положила на дощатый пол голым пузом и потащила, держа за руки, во двор. Орала Варька при этом истошно. Но деревянные дома строили несколько иначе, чем панельные, и мать крика не слыхала. В живот сестре Ксения всадила таким образом штук десять заноз, исцарапала все ноги, а когда поволокла по ступенькам крыльца и по земле, Варька даже замолчала от ужаса. Мать, увидев эту картину, стала сметанно-белой и оцепенела. А Ксения деловито отпустила Варькины руки и удовлетворенно, с ясным сознанием исполненного долга сказала:

– Ну вот, и кричать перестала!

«Я ведь могла ее убить, – иногда думала Ксения, глядя на Варьку. – Маленькая она еще, глупая. Какая у нее злоба? Дурь одна. А кто ей поможет, если не я? Мама болеет...»

Она все равно любила ленивую, небрежную, наглую сестрицу, всегда стоявшую на фотографиях с независимым и надменным носом вверх. Поэтому Ксения и не знала, чего она тогда

хотела больше: чтобы Валентин остался с ней или женился на Варьке. Пожалуй, ей хотелось одинаково и того и другого.

Но была и другая история, о которой сестры никогда никому не рассказывали.

Они ввечеру ждали Натку «под глобусом» – возле ресторана в начале Нового Арбата, над которым крутится «земной шар». Стояли себе, разговаривали, курили, по виду – явно не синие чулки в очках, а в топичках-юбочках, бойкие такие столичные девахи-оторвы.

Мимо шел какой-то мужик. В летах, но не старик. Замедлил ход и закурсивал рядом. Они на него особо внимания не обратили – наверное, тоже кого-то ждет у ресторана.

А прохожий настойчиво поглядывал в их сторону, криво курсанул мимо и что-то коротко бросил им на ходу. Сестры толком ничего не поняли, переглянулись и продолжали курить-болтать, не придав никакого значения этому типу. Мало ли таких на свете...

Однако настырный дядька прокурсивал вторично, уже обратно. И бросил им в такой же лаконичной манере – на этот раз они услышали:

– Сто!

Сестры удивленно глянули на него. Чего привязался? Что ему надо? Непонятно...

– Чо «сто»?... – спросила Варька.

Он в ответ хмыкнул, но не отвалил. Проплыл мимо в третий раз, в неизменной «кошачьей» манере, с другой стороны. И вновь на ходу:

– Двести!

Тут сестры всерьез насторожились, прекратили треп и уставились на странного прилипалу. А он уже застыл на месте, повторяя:

– Двести! Ну, двести, двести долларов! За вечер! С любой... Могу с обеими...

Тут до сестренок дошло, за кого он их принял... И Варька с ходу послала страстно желающего приличным матом.

Мужик с трудом вышел из шока и признался:

– Девочки, вы меня извините! Но не стойте на этом углу! Что вы здесь столько времени торчите? Тут – не знаете разве? – условленное место, совершенно точно обозначенное, где путаны торчат и себя предлагают! Ни в коем случае здесь больше не показывайтесь, а меня простите, пожалуйста!

Они посмеялись и продолжали стоять. Натка сильно опаздывала.

А потом Варька пошла в туалет... И тогда подвыпившую Ксеньку с неизменной сигаретой в зубах попытались затащить в машину какие-то парни. И она уже устала с ними бороться и махнула рукой – будь что будет! – как вдруг вылетела разъяренная Варька. Она так визжала и царапалась, так кусалась, так цеплялась за сестру, которая была уже в полной отключке, что парни испугались, плюнули и уехали. Арбатский ко всему привыкший народ никакого внимания на происшествие не обратил. А милиция здесь редко прогуливалась.

– Дурка! – сказала Варька сестре, злобно показав мелкие зубки.

Ксения молча с ней согласилась.

После рождения Даши забот у Ксении хватало по горло. Где там про Варьку и Валентина вспоминать! Хотя вспоминала, очень даже иногда вспоминала и замирала на мгновение возле микроволновки. И Дениса очень жалела – брошенный совсем ребенок, – и Глеба, умного, доброго, по-настоящему влюбленного в Ксению, уступающего во всем, спускающего все ее срывы, иногда сравнивала вдруг с Валентином – и не могла остановиться...

Когда-то Глеб каждое утро до работы приезжал на машине к ее подъезду и опускал в почтовый ящик письмо. Как из бокала, наполненного доверху вином, надо осторожно отпить глоток, чтобы не расплескать, так его переполненная душа, очевидно, стремилась отдать по каплям свое чувство, перелить его в другую душу, поделиться. Глеб... Шутил – смешно, серьезничал – интересно. Поздно ночью Ксения, вернувшись из театра, звонила ему, стара-

лась успокоить, утихомирить. Потом пришло лето. По заведенному порядку Глеб всегда увозил свою семью на юг. И оттуда звонил Ксении два раза в день. В то утро, когда она сказала, что Маруська тоже уехала отдыхать, Глеб взял кассира измором и достал билет на самолет Адлер – Москва. Ксения открыла дверь, ничего не спросив – консьержка пропускала только знакомых ей людей, – и остолбенела. Изумленно погрызла сигарету.

– Разлюби твою мать... Что случилось, Морозов? Глеб ответил не сразу.

– Я боялся, что у меня появится дублер...

– Ты мне льстишь! – засмеялась Ксения.

Пробыв весь оставшийся отпуск Глеба вдвоем, они поняли, что врозь невозможно. Осенью он, не дождавшись развода, переехал к ней. Начался всегда очень трудный и долгий период привыкания. Обыденная дребедень...

И Ксении ли сравнивать мужей, когда тридцать девять лет и уже бабушка? Разве можно разрешать себе думать о том, кого любила? И кого любишь, несмотря ни на что – ни на проворную сестру, ни на внучку, ни на тридцать девять? Разве можно сравнивать кого-то с кем-то, когда есть на свете Варька, Денис, Маруся, Дашка...

Задыхающийся шепот в трубке: «Целую...»

Он любил стилистическое разнообразие. Он был молод и застенчив... Он...

Нет, «он» – совершенно не к месту.

Без бабушки и Даша дома тоже заброшенный ребенок. Приедет Ксения к дочери и выяснит, что морковный сок опять дать забыли, а яблоки (полная миска была, два килограмма) Маруся с Петей съели.

– Как съели?! А Дашке?

– Да ладно, мам, ничего не будет. Не переживай. Вырастет!

И эта тоже ничего не понимает, как Варька. Они никогда не повзрослеют в Ксениных глазах, никогда не поумнеют, всегда будут нуждаться в ее помощи и опеке. И Ксения будет помогать им во всем, выручать, избавлять от забот, сколько сможет. Сколько сможет... Как устала она...

Дома Ксения положила Дашу в кровать, крикнула с балкона Дениса и отпустила Петю на все четыре стороны. Осчастливленный Петр улетел в неизвестность, сияя улыбкой до ушей. Явившийся с улицы мокрый с ног до головы Денис хитро сообщил Ксении по секрету, что сегодня еще не завтра. Вероятно, он думал, что завтра наступит очень не скоро. Очередная смешная иллюзия детства. И такие всегда долгие ребячьи дни...

Иллюзии, иллюзии... Что бы мы значили без них, хрупких, прозрачных, греющих нас и нами согретых?

– Каин, где брат твой, Авель?! – артистически воздевая руки, вдруг спросил Денис. – И вот, Ксения, Иисус воскрес! И сказал: «О, дети мои! Что же вы делаете?!»

Ответа слегка растерянная Ксения не нашла.

– А кулисы и занавес – это разве не одно и то же?

– С чего ты взял? Конечно нет.

– Ну как же! Говорят: ушел за кулисы – и уходит туда, за занавес. Значит, кулисы – эти вот занавески на сцене, вечно пыльные!

Заверещал телефон.

– Угу, – солидно сказал в трубку Денис. – Пойду посмотрю... – Он заглянул в комнату. – Ксения, ты дома или тебя нет?

– Нет, – пробурчала она. – Меня нигде уже нет... Так и скажи. Скажи, что я уехала из Москвы... И буду нескоро. Неизвестно когда, может, через полгода. А связи со мной нет – мобильник я выкинула. Скажи, что я в монастырь уехала. На послушание! И пойдешь вымой руки. Я им не доверяю.

– А что такое монастырь? – тотчас поинтересовался Денис.

– Это где красиво... очень тихо... где мысли светлые и высокие... где отдыхает душа от суеты и твоих фильмов, которые ты без конца смотришь... где человек один... и думает, размышляет... где никогда не бывал Каин, о котором ты недавно поминал...

Денис удивленно притих и задумался, пытаясь постичь смысл услышанного. Постичь смысл... понять... осознать истину... Что такое – эта истина?... Это просто... это то, что есть... что существует... а что существует?...

Даша лежала тихо, только соска во рту беспрестанно шевелилась: туда-сюда, туда-сюда. Спокойный ребенок – одно удовольствие для бабушки. А ухо все никак не хотело воспринимать это нелепое новое слово, не хотело – все! Какая она бабушка?! Какие Маруся с Петей родители... Какая Варька жена и мать... Все просто, как линейка.

Денис слушал новости. Рассказывали о гибели Литвиненко.

– Ксения, я чего-то не понимаю... Как же, интересно, этот Полоний на свободе гуляет, когда его Гамлет давным-давно шпагой заколол?! Ты помнишь? Там еще девка такая была, которая к Гамлету приставала... как ее... Офелия, вот! И знаешь, Ксения, этим датчанам ботинки делали просто халтурно. Гамлет говорит там про свою мамашу, что она еще не износила башмаков, в которых шла за гробом. А потом выясняется, что прошло всего два месяца! Но он словно удивляется – ведь королева уже должна была их износить, эти датские туфли!

– Умен до безнадёжности... Тебе обо всем этом мама расскажет. Она у нас обожает книги читать. И ты туда же, – отмазалась Ксения. Вздохнула и взяла мобильник: – Это я, которая Ксения...

Олин голос в трубке...

– Все плохо и будет еще хуже.

– Опять звонил? – спросила Ксения.

– Опять не звонил! – выкрикнула Ольга. – Он больше не хочет мне звонить! Ксения, мне плохо!

– А зачем ты ждешь его звонка? Разлюби твою мать... Пора выбросить его из головы. Оставить за скобками...

Это случилось летом.

Глава 5

Лето обливало дождями, стучавшими, как упорные дятлы, по подоконникам. Бесконечными, доводящими до отчаяния, то проливными, то слабенькими. От их неизбежности и беспросветности хотелось выть или плакать. Зато рассуждать о настроении не приходилось. Нет как нет, и не надо. Без него лучше и спокойнее. Во всяком случае, ровненько.

– На Западном фронте без перемен, – вяло констатировала Ольга. – Небо чернее черного. Хотя почему-то с утра не выпало ни капли. Это что-то. И пора уже читать молитву о дожде. Может, устроим?

Наташа нехотя отмахнулась от подруги:

– Не проявляй ненужного остроумия, сегодня клиентов мало, лето, няни и гувернантки никому не нужны, они всем остро понадобятся позже, так что беги скорее домой, пока не накрыло очередным ливнем. И зонтик не забудь. В магазине-то была нынче?

Ольга бросила косметичку в сумку и вышла на улицу. Тучи висели низко и тяжело, придавливая к земле и без того придавленных. Она медленно двинулась к метро, размышляя о привычном.

«Агату Кристи» она ненавидит. Ненавидит – и все. Потому что каждый вечер, едва открывает дверь в квартиру, «Агата» поет ей навстречу, приветствуя и пытаясь на что-то вдохновить. Вероятно, на новые хозяйственные подвиги. Конечно, если каждый день крутить одну и ту же, даже самую любимую мелодию, да еще на полной громкости, можно возненавидеть что угодно. Общее место. Ненавидит она и «Гражданскую оборону», и «Роллинг стоунз», и «Аквариум». А также «На-на», «Русский размер», «Премьер-министра» и эту странную группу с диким названием «Наutilus помпилиус». И проклинает тот день и час, когда им всем вдруг захотелось запеть.

– Наушники! – кричит Ольга с порога Максиму, поступившему в этом году в университет. – Соседи, наверное, с утра тебе в стенку достучаться не могут!

Музыка не притупила острый слух и догадливость Максима. Он ненадолго убирает звук и лениво встает с ковра, на котором часами под пение любимых групп накачивается гантелями. С хилыми мышцами на пляже с ненаглядной Катюшкой не покажешься. Дожди здесь не помеха. Максим в плавках возникает в передней и ласково говорит обычное, вкрадчивое:

– Мама Оля вошла...

– И ничего не принесла! – сурово обрывает она сына.

– Как ничего?! – искренне изумляется двухметровый ребенок.

– Как ничего? – И в дверях кухни, где, как всегда, с помощью фена наводились кудри, появляется не менее удивленная восьмиклассница Марина. – А это что?

И Марина торжествующе-обличающим жестом указывает на две сумки, которые никуда не спрятать.

– Сумчатая ты наша! – проникновенно поет Максим. – Там колбасятина?

Ольга молчит и смотрит в кухню. Стул. Хороший, добрый, необходимый предмет. Сесть... И ничего не делать. Долго-долго. Просто смотреть в окно на дождь. И на черные тучи. Кресло. Диван. Плита... Пылесос... Утюг... Кастрюли...

Жизнь прошла на кухне, в салатах.

Привычно голосила свой хит группа «Крематорий». Потрясало даже не содержание, а интонация. Мужской густой, приятный баритон, спокойно-переливчатый, элегический, с эдаким серьезным мягким лиризмом:

Мы живем для того, чтобы завтра сдо-охнуть!..

Оптимистичная песня. Но в сущности, вполне правдивая. «Крест деревянный иль чугуновый назначен нам в грядущей мгле...»

– Ты, мамочка, сегодня слишком устала, совсем перетрудилась, – изображает Марина заботу и нежность. – А что ты нам купила?

Ольга купила им новые кроссовки, ухнула последние деньги, зато фирма – отпадный прикид...

– Я купила эспандер, – говорит она. – Это что-то...

– Зачем? – снова искренне удивляется старший ребенок. – У меня есть!

– Почему тебе, сынок? Почему всегда все – тебе?! Я купила эспандер для себя. Буду тренировать руки.

– На старости лет? – хохочет Максим и осекается. – Ты что, серьезно?

Марина стоит, открыв рот и недоумевая, переводит круглые, старательно вызеленные глаза с брата на мать и обратно.

– Да, детки! – подтверждает Ольга и вынимает коробочку с эспандером из сумки. – Вот он, мой спортивный снаряд! Теперь верите?

Дети верят, но по-прежнему не понимают.

– А ты опять голая? – мрачно говорит Ольга дочери. – Топики ваши дурацкие... Посмотри на себя в зеркало! И учти: эпоха ног от шеи и ногтей-когтей благополучно окончилась! Отныне на работу берут немолодых дам с мозгами, а не с ногами! Разобрались, наконец, что молодежь – безответственная и безграмотная, зато наглая и амбициозная, с завышенными требованиями зарплаты в две тысячи баксов!

Действительно, за последнее время Ольгу неожиданно стали приглашать к себе и вузы, и издательства, хотя раньше там морщились, услышав, сколько ей лет. И Ольга всерьез подумывала вернуться преподавать или хотя бы совмещать, чтобы оставить позже опротивевшее ей Наткино агентство нянь и гувернанток. Да, уже многие нагрелись на молодых и осознали ценность старых кадров.

На самом деле молодой специалист и в науке, и в искусстве-литературе – штука довольно опасная. Как личность он еще никто, не сформировались подлинные ценности, отсутствует стержень, зато за плечами – научное или литературное образование, и чисто технически он умеет творить. И очень может быть, натворит нечто весьма опасное благодаря довольно неплохому уровню владения словом или научным материалом плюс в силу юного возраста.

Максим приглушает звук в наушниках и отвечает вместо сестры:

– Все-таки удивительны люди по части двойных стандартов! Какой искренний визг поднимают эти взрослые, какой несут бред сивой кобылы в лунную ночь под окошком! До чего, мол, дошла развязность: вон на эстраду петь выходят девицы с полуоткрытой грудью, в коротких юбочках и из-под них еще задницу показывают! А между тем ваше поколение спокойно смотрит и любит балет, которым мы гордились на весь мир, славный еще с советских времен. Но если взглянуть на него под иным углом зрения? Да что такое этот балет, как не развязность высшей пробы?! В балете что, задницы не показывают?! Да там девицы в пачках ноги выше головы задирают! Грубо говоря, своим исподним трясут на глазах у публики похлеще девок на эстраде! А мужики? Эти вообще в таких трико, где очертания всего мужского хозяйства на показ! И я, опять же, не встречал подобных примерчиков на современной эстраде. Но едва скажешь правду, все изумляются. Совершенно искренне. Выясняется, что они почему-то про балет ничего подобного не думают, для них он – высшее искусство, где все красиво и грациозно, а эстрада – похабелъ. Ну где логика? Только в том, что к балету вы все давно привыкли, на нем выросли, а поп-эстрада вам непривычна, потому и шокирует. Сплошное лицемерие! И эти ваши глупые аргументы, что балет – элитарное искусство, а поп-музыка – массовое... Если подходить с вашими критериями, то хороша «элитарность»!.. И чем уж тогда принципиально отличается парень, который пляшет и вертится на одной ноге, от девицы, которая на сцене рот

открывает? Про уровень исполнения тоже говорить не стоит, не надо подменять тезис – вы ведь не уровня, а сугубо одной оголенности касаетесь, так что не будем!.. У балета всегда был сексуально приземленный и ярко выраженный подтекст – это прекрасно знали с тех времен, когда балет появился. И не случайно сластолюбивые короли в Средние века именно его при дворе смотреть любили. Вот они опять – откровенные двойные стандарты! Я вовсе не ненавистник балета, нисколько! Просто этих поборников морали люблю бить их же собственным салом по мусалам! Только и всего.

Отмщеная Марина звонко хохочет. Торжествующий Максим удаляется к себе.

Оля вяло машет рукой, бредет на кухню и сразу замечает на холодильнике деньги, оставленные утром на картошку. Значит, Марина опять забыла напомнить Максиму.

– Сказала, – бурчит Марина и вновь, уткнувшись в зеркало, берется за фен.

– Тогда почему деньги на холодильнике?

– У Максима болит нога, он не мог сходить.

У сына всегда болит нога, когда нужно идти в магазин.

– Максим, у тебя совесть есть?! – кричит в стенку Ольга.

– У него же наушники, – роняет Марина.

– Максим, у тебя совесть есть?! – повторяет Ольга, распахивая дверь в комнату. – Сними эту дрянь с ушей и ответь, наконец, матери!

– Только гражданская! И почему это дрянь? Это твое спасение!

В наушниках неумоимо орут его любимые «Блестящие».

– А потом, мне не хочется картошки.

– Тебе не хочется?! – окончательно взрывается Оля. – Снова тебе?! А мне?! А Марине?!

Максим мирно улыбается. Наверняка скоро заявится драгоценная Катюшка, и ее тоже надо будет кормить. Сын правильно к ней прищипился: она уже подгоняет ему брюки по фигуре, недавно сшила кепочку и шорты. Сын, почитай, устроен, а вот Марина никак не вживается в реальность и хорошего примера с Катюшки не берет. Лень непролазная и для женщины никак не подходящая.

Ольга надевает фартук и зажигает конфорки. Посмотрим, что осталось в холодильнике... В передней оглушительно зовет телефон: Максим ставит звонок на полную громкость, иначе любитель музыки не услышит позывных Катюшки. На телефонные отчаянные призывы никто не реагирует. Марина продолжает крутить кудри, в комнате энергично надрывается «Икс-миссия». Или «ДЦТ». Оля постоянно их путает.

– Да подойдет хоть кто-нибудь?! – не выдерживает она. – Ответьте, наконец. Небось Катерина домогается!

Марина неохотно ползет в коридор.

– Мам, тебя! – кричит она из передней.

– Понеслось! – возмущается Ольга. – Ну, просто настоящий дурдом! Только вошла – уже звонят! Ни рук помыть, ни чаю попить. Кто там на проводе?

– Приятный мужской баритон! – сочетая одобрение, неудовольствие и любопытство, докладывает дочь. – Незнакомый!

На ходу вытирая ладони о фартук, Ольга берет трубку.

– Леля, – слышится далекое, почти забытое, редко повторяющееся со школы имя, – Леля, здравствуй! А кто это подходил к телефону?

– Маринка. Ты не узнал? – автоматически отвечает Ольга и вдруг чувствует, как воздух становится горячим и наглухо забивает легкие.

Она опускается на табуретку и застывает в оцепенении и страхе, прижимая трубку плечом.

– Леля, не пугайся, ты всегда была мужественной и сильной, – слышит она знакомый и давно похороненный голос. – Это действительно я. Ты не сошла с ума, у тебя не слуховые гал-

люцинации, и у меня не появился двойник. Это просто-напросто я! Вот собрался тебе позвонить. Прости, что не мог раньше...

– Почему? – шепчет Ольга с трудом. Одеревеневший язык подчиняется ей нехотя.

Собрав последние силы, она дотягивается до кухонной двери и плотно ее закрывает, чтобы дочка не слышала разговора. Максим, к счастью, наслаждается «Белым орлом». Или «Арией». Чтоб им всем провалиться!

– Ты любишь задавать ненужные вопросы! – смеется трубка. – Извини, но ответа не будет.

– Не будет?! – шипит в телефон Оля. – Вот что, господин хороший, кем бы вы там ни были, вы мастерски умеете подражать и разыгрывать, но я не советую вам это занятие продолжать, поскольку сейчас заявлю в милицию и попрошу проверить ваш номер!

– Леля, – отвечает все тот же слишком хорошо знакомый ей голос, – ты ведь сама не веришь тому, что говоришь! Потому что веришь мне! Это не розыгрыш, это я, Игорь!

Ольга прижимает окоченевшие пальцы ко лбу.

Игорь... Которого похоронили пять лет назад и которого она едва опознала в полуобгоревшем трупе по остаткам одежды, росту и телосложению. Пожар случился в доме свекрови, где в тот день находился Лелин муж. Он был одним из немногих, кто называл ее этим школьным полузабытым именем.

– Я не могла ошибиться, – бормочет Ольга. – Там был именно ты... Хотя я тебя узнала с большим трудом... с ужасом... И кто же тогда, если не ты...

– И все-таки ты ошиблась, – настаивает голос в трубке. – Как смешно и странно: ты с «макриками» усердно посещаешь могилу совершенно неизвестного человека, которого приняла за меня и которого вдобавок никто не хватился. Нелепость...

– Они уже целые «макросы», – шепчет Ольга. – Значит, нелепость... Вдобавок смешная... Ты обманул меня... А где же ты провел тот день?

Игорь снова смеется.

– Настоящий женский подход к делу! Спрашивать, где я был во время пожара, но не интересоваться, как я прожил эти пять лет и почему – без тебя и детей. Успокойся, с женщиной это никак не связано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.